

Леди и детектив, или Щепотка невезения

Автор:

[Ирина Зволинская](#)

Леди и детектив, или Щепотка невезения

Ирина Зволинская

Он – сын министра и детектив под прикрытием. Она – простая девушка. В первую встречу она поставила ему фингал, во вторую залепила пощечину. Им бы вовсе не встречаться, да никак не получается. Ведь детектив Харрис стоит на страже интересов республики, а кудрявая красотка – шпионка. Однозначно, шпионка! Иначе, почему она всё время попадается ему на глаза?

Ирина Зволинская

Леди и детектив, или Щепотка невезения

Глава 1

– Эви, дорогая, я выхожу замуж! – торжественно, не размениваясь на ненужные мелочи вроде приветствия, сообщила достойная мадам Люсиль Браун, она же владелица самого популярного гадального салона в столице Республики Эглетон, городе Бридже, госпожа Люсинда, она же моя дорогая бабуля шестидесяти трёх лет от роду.

Новость была так себе. Бабушка в принципе любила выходить замуж. Можно сказать, это было одним из её многочисленных и вполне безобидных, где-то даже полезных, хобби. К примеру, рабочим местом я обзавелась благодаря

бабулиным связям. Мистер Джонс был пятым её мужем, и надо заметить, что брак этот был вполне счастливым. Как и все другие её браки. Если не ошибаюсь, нынешний должен был стать десятым в череде многочисленных семейных союзов Люси.

- Поздравляю, - удобнее перехватила я тяжёлую медную телефонную трубку и достала из верхнего ящика громоздкого письменного стола завёрнутый во вчерашнюю газету бутерброд. - И кто у нас жених? - поинтересовалась, откусывая приличный кусок хлеба с индейкой, и приготовилась к перечислениям достоинств моего нового будущего дедушки.

- Не скажу, - ответила бабушка.

Я лихорадочно зашарила по столу в поисках воды, кашляя от неожиданности. Что-то новенькое.

- Скажу только, что он работает в полиции.

- Почему не скажешь? - осторожно спросила я.

- Потому что ты уже трижды отсутствовала на моей свадьбе! - рявкнула она мне в ответ. - А я, между прочим, в этот раз уверена, что встретила мужчину моей мечты!

- Правильно говорить не «свадьбе», а «свадьбах», - тоном учительницы младших классов поправила её я. - И у тебя каждый раз - на всю жизнь.

- Не будь занудой, Эви, - сменила бабуля тон. - Неужели ты не хочешь увидеть свою Люси?

- Конечно, хочу. Только я думала, что ты сама приедешь в следующем месяце.

- Теперь никак не получится, - огорчённо вздохнула госпожа Люсинда. - У нас с Фредди медовый месяц. И, как лицо проинформированное, скажу, что вся эта полицейская активность в последнее время неспроста. Туринцы переходят все границы! Ты знаешь, теперь мы всюду носим с собой документы. А иначе штраф или, того хуже, ночь в полиции!

– Значит, его зовут Фредди, – вычленила я самое главное из её прочувствованной речи.

– Откуда ты знаешь? – удивилась бабуля моей прозорливости.

– Я не уверена, что мистер Джонс отпустит меня в отпуск.

– Этот вопрос я решу сама, – отрезала бабушка.

– Хорошо, я постараюсь купить билет на ближайший поезд. Сама понимаешь, лето, сезон отпусков. Все матроны считают своим долгом вывезти отпрысков в столицу, на вокзале ажиотаж. Билеты были распроданы, не успев поступить в продажу.

– На этот счёт ты можешь не беспокоиться. Я попросила Митчела оставить тебе местечко месяц назад. Поезд завтра утром, – припечатала Люси, отрезая всяческую возможность отделаться от предстоящей поездки.

Всё-таки умения Люсиль дружить с бывшими мужьями поражали воображение.

– Эванжелина, – мягко добавила бабушка, – ты взрослая образованная девушка. То, что ты давным-давно провалилась на вступительных экзаменах в Университет Бриджа, не означает, что столица не примет тебя и в этот раз. Зато ты сэкономила отцу семейный бюджет в Рамбуи! Хотя, скажу тебе, можно было и не экономить. Всё же новая жена у твоего отца ещё то сокровище.

Я невольно улыбнулась, представив, как она скривилась при упоминании невестки.

– Хорошо, бабушка, – капитуляция была неизбежна. – Вечером зайду к Митчелу за своим билетом.

Остаток разговора прошёл как в тумане. Кажется, мы попрощались и договорились встретиться то ли на вокзале, то ли у памятника её величеству, то ли я должна была прийти сразу в её салон, ведь от вокзала до дома, где бабушка снимала два верхних этажа, было всего два квартала. Думала я совсем о другом.

«Вряд ли на свадьбе бабушки будет министр полиции. Даже если и будет, не потащит же он на свадьбу сына? А если потащит, что само по себе сумасшествие, какова вероятность, что он тебя вспомнит? Вероятность равна нулю!» – уговаривала я себя.

Но в памяти упорно вставала картинка разъярённого молодого мужчины и невысказанная им угроза, по причине того, что я позорно сбежала, не дождавшись роковых слов.

Я ведь так и не рассказала бабушке, почему провалилась тогда, шесть лет назад, на вступительных экзаменах в столичный университет. Дело было вовсе не в отсутствии у меня нужных знаний и необходимого в таких случаях везения. Я ведь и до приёмной комиссии не успела дойти. Рок настиг меня немного раньше.

Шесть лет назад в холле столичного Университета на глазах у выпускников и поступающих я поставила Дэвиду Харрису, сыну министра полиции, фингал.

Стыд от воспоминаний накрыл десятифутовой волной и напрочь отбил аппетит.

В год, когда я успешно окончила школу, а школьные учителя и бабушка прочили мне великое юридическое будущее (учителя – основываясь на оценках, а бабуля – на особенно удачном карточном раскладе), отец решил, наконец, жениться второй раз. В отличие от бабушки, страсти к регистрации отношений за ним не водилось. После смерти матери от продолжительной болезни, чтобы скрыться от тяжёлых воспоминаний, он перевёз маленькое семейное производство по изготовлению замков в Бридж и неожиданно преуспел. Я же осталась на попечении бабушки. Та взялась за моё образование со свойственной её широкой натуре страстью. Даже вышла замуж за учителя математики. Кстати, совершенно зря, математика мне всегда давалась легко. Впрочем, она довольно скоро поняла, что в таких жертвах я не нуждаюсь, и вышла замуж за руководителя кружка по самообороне, решив, что подрастающей симпатичной мисс такие знания не будут лишними. Способности и материальное положение семьи к тому времени уже позволяли претендовать на обучение в столичном Университете, что и подтвердило соответствующее письмо с одобрением моей кандидатуры и приглашением пройти вступительное собеседование.

Папа встретил нас с бабушкой и, целуя, сообщил радостную весть – скоро у меня появятся мачеха и сестра. Новая пассия отца, Элизабет, оказалась дамой среднего возраста, внешности и моральных качеств, но могла похвастаться приличной, не чета моей, родословной. О чём не преминула неоднократно сообщить. Моя мама, хоть и слыла редкой красавицей, была безродной сиротой. Этот факт никогда не мешал мне жить, но мог помешать Элизабет в её matrimониальных планах на собственную дочь. То, что ни мой отец, ни моя бабушка, к аристократии не принадлежали, её планам угрозы почему-то не несли.

Конечно, она была достаточно умна, чтобы не говорить этого прямо. Но каждая брошенная фраза, каждый взгляд были наполнены таким ядом, что моя бабушка не выдержала и съехала от отца меньше чем через неделю, прихватив и меня с собой.

– Эванжелина, дорогуша, – сладко улыбалась мачеха за обедом, – ты разве не знаешь, что в приличном обществе недопустимо носить такие кудряшки? Девушка должна быть аккуратно причёсанной, ты же напоминаешь давно не стриженного барашка из Рамбуи.

– Эванжелина, твой деревенский загар недопустим. Как мы с Бекки сможем представить тебя её подругам, если ты больше похожа на вульгарную деревенщину, чем на девушку из приличной семьи?

– Эванжелина, что за платье? Этот красный – такая пошлость! Недопустимо!

– Эванжелина, ты слишком громко смеёшься. Это недопустимо! – и ещё тысячи комментариев, вся суть которых заключалась в полном несоответствии моей скромной персоны её будущей семье и недопустимости к чему-либо в принципе.

Безусловно, родная дочь Элизабет – Ребекка, причёсанная в залитый сахарной водой затянутый пучок волосок к волоску, отчего цвет её волос был практически неопределим, являла собой образец идеально воспитанной и привлекательной молодой мисс. Она улыбалась, лишь слегка поднимая уголки губ, говорила сквозь зубы и одевалась только в пастельные оттенки, как и положено незамужним девушкам. Я же со своей южной внешностью, длинными кудрями, которые невозможно было уложить ни в одну причёску, потому что из неё вылетали все шпильки и развязывались ленты, тёмными глазами и смуглой от

природы кожей, раздражала мачеху одним своим видом. А от частоты эпитета «недопустимо» у меня начался нервный тик.

Никогда ещё я не покидала отцовский дом с такой поспешностью. На следующее утро предстоял важнейший экзамен в моей жизни, но даже обновлённая обстановка ставшего необычайно уютным особняка благодаря участию в ремонте Элизабет и перспектива недостаточно выспаться не остановили меня от переезда. Так обрадовала меня бабушка случайно подвернувшейся по дешёвке жилплощадью рядышком с вокзалом.

– Эванжелина, ты не должна обижаться, – сказал на прощание отец. – Я женюсь и ради твоего блага. Элизабет Спэлман – дочь барона. Это шанс войти в высшее общество и обзавестись связями. Нам нужно быть благодарными этой возможности.

– Лучше я буду благодарна Элизабет где-нибудь в другом месте, – буркнула я и побежала за бабушкой к вызванному заранее автомобилю, даже не поцеловав его на прощанье. Обида, безусловно, имелась. Я никак не могла понять: как отец мог променять меня и воспоминания о маме на эти две бледные копии леди?

– Да. Не лучшая спутница для моего сына, – задумчиво сказала тогда Люси. – Но он достаточно взрослый, чтобы самостоятельно принимать решения, и не нам с тобой, Эви, их менять, – строго закончила она, глядя на моё обиженное лицо.

Она была права, моя мудрая бабушка. Но шестнадцатилетней девчонке, оставшейся без матери, предстоящая женитьба отца казалась трагедией, а будущее уже не таким светлым. Что скоро и подтвердилось.

Несмотря на придирки, Элизабет всё же сочла возможным представить меня подругам Ребекки. На чопорном чаепитии я узнала, кажется, имена всех более-менее перспективных молодых холостяков столицы. А поскольку Бекки сообщила подругам о том, что вскоре её сводной сестре предстоит учёба в Университете, меня так же снабдили более специализированной информацией, а именно перечислили фамилии вызывающих у юных мисс интерес старшекурсников, которых я, возможно, встречу и на которых мне ни в коем случае не стоит претендовать. Одним из этих потенциальных мужей был Дэвид Харрис, сын министра полиции, необыкновенно привлекательный и обеспеченный молодой человек. Также, судя по рассказам одной из девушек,

высокомерный и достаточно невоспитанный, чтобы прилюдно нагрубить даме. Хотя как именно он ей нагрубил, девица говорить отказывалась. Оснований не доверять ей у меня тоже не было, а Бекки даже сбегала в спальню за фотографией Дэвида, чтобы сведения наиболее полно отложились в моей голове.

Когда следующим утром в холле университета я увидела жениха своей новоиспечённой родственницы (а Бекки серьёзно считала министерского сына таковым), то твёрдо решила держаться от него и его компании как можно дальше. Тем более, что это было не трудно – он не обращал на меня и других претендентов на обучение никакого внимания. В жизни он оказался ещё более привлекательным, чем обещала затёртая фотокарточка Ребекки. Наверное, потому, что был живым. Ярко синие глаза взирали на мир с толикой насмешки, а короткие тёмные волосы были уложены с той самой небрежностью, добиться которой без хорошего парикмахера практически невозможно. Твёрдой походкой уверенного в собственной неотразимости мужчины он прошёл в компании таких же представителей золотой молодёжи куда-то мимо нашего коридора. Играючи завладел вниманием всех присутствующих в помещении и исчез из вида под громкие вздохи девушек и неприязненные взгляды мужчин.

Тем временем я уже вдоволь насмотрелась на внутреннее убранство университета, сравнив оригинал с фотографиями и убедившись в их полном совпадении, но моя очередь всё ещё была далека, а чашка утреннего кофе и необычайное волнение настойчиво давали о себе знать. Сообщив стоящему следом за мной в очереди щуплому юноше, что отлучусь, я направилась на поиски дамской комнаты, и надо же было такому случиться, что именно тогда мистер Харрис вместе со своей компанией решил покинуть университет.

Ещё раз напомнив себе, что этот надменный выпускник, вполне возможно, мой будущий родственник, я покрепче перехватила ридикюль и опустила глаза в пол, чтобы случайно не вызвать его недовольство. Небогатый недельный опыт общения с аристократией, пусть захудалой и обнищавшей, с высокой долей вероятности говорил, что и Дэвид может ненароком оскорбиться, если как следует меня разглядит. А обида на отца и несправедливые упреки будущей мачехи грозились вылезти наружу в самый неподходящий момент, чтобы превратиться в достойный южанки скандал.

В тот миг, когда я почти поравнялась с компанией, а дверь в нужное мне помещение была очень близко, раздался громкий смех, отчего-то показавшийся

мне особенно неприятным. Наверное, потому, что смеялись надо мной. Я сжала зубы и пошла вперёд, но кто-то перегородил мне дорогу.

– Простите, мисс, – приятным голосом обратился ко мне молодой мужчина, в котором я обречённо узнала Харриса.

– Да? – вздохнула я.

Он растянул губы в ироничной улыбке и сказал:

– В университете это недопустимо, – а дальше я уже ничего не слышала. Сознание, измученное волнениями последних дней, выхватило из речи выпускника любимое миссис Спэлман слово «недопустимо», и на меня что-то нашло. В книгах такое состояние называют «боевым трансом берсерка», временным помешательством или приступом особенно яростной агрессии. Именно такое состояние для достижения высшей степени мастерства в уличной драке пытался вызывать у меня шестой муж бабушки, но у него не получалось. А теперь удалось – я переложила ридикюль в левую руку и от души размахнулась, целя Дэвиду Харрису прямо в левый глаз.

Ужас ситуации дошёл до меня в тот миг, когда под глазом мужчины стал стремительно наливаться багровым синяк. И пока друзья Дэвида и он сам не опомнились, я подхватила юбку и ураганом вылетела через любезно открытые кем-то высокие двери университета.

– Ты что, так и оставишь это безобразие? – донеслось мне вслед.

– Нет, не оставлю, – услышала я и припустила ещё быстрее.

Да... В тот день я наломала дров, обзавелась влиятельным врагом и изменила судьбу, как и предупреждали карты. Жаль только, что об остальном они предупредить забыли.

Обеденный перерыв подходил к концу. Я выглянула в окно. Нотариальная контора Джонса, в которой я честно служила помощником владельца и одновременно единственного помимо меня работника, располагалась в самом центре Рамбуи, рядом со всеми сколько-нибудь значимыми городскими

объектами – церковью, мэрией и булочной. Сейчас центральная улица была тиха и пустынна, и только одинокий садовник сонно прохаживался вдоль заросших сорняками ваз с декоративной капустой – утром господин мэр устроил ему разнос за неухоженный вид символа нашего города. Рамбуи издавна славился яркими клумбами, и каждый год уверенно получал звание самого цветочного города Эглетона.

Из дверей булочной, словно большая баржа, выплыла почтенная госпожа Биджброук и направилась в нашу сторону. Её высокая шляпа с чёрным пером надвигалась быстро и неумолимо, как завтрашний день. До того как она войдёт, оставалось несколько минут. И это время следовало потратить на то, чтобы отпроситься у мистера Джонса и выйти через запасную дверь в его кабинете. Иначе появление миссис Биджброук грозило оставить меня в конторе вплоть до отправления поезда. Трое из пяти её сыновей всё ещё не были женаты, и она решила, что я устраиваю её в качестве невесты любого из них. Моё мнение её не интересовало, а бабушка – единственный человек, который мог в чём-либо убедить Биджброук – уже два года как окончательно перебралась в столицу. И ровно два года длилась осада, которую я держала из последних сил.

Несколько отточенных движений руками – и гора документов на столе превратилась в аккуратную стопку. Последний взгляд на рабочее место, и вот я уже в кабинете Джонса. Очень жаль было будить нотариуса, но ради спасения собственной свободы и жизни – пришлось. Громко и как можно быстрее я описала начальству срочную необходимость отлучиться из конторы на неопределённый срок в связи с преследованием госпожи Биджброук в данный момент и свадьбой бабушки в ближайшем будущем. На что сонный нотариус пробормотал пожелания хорошей дороги его любимой Люси и поздравил с предстоящим вступлением в брак меня.

Я не стала его поправлять, потому что в этот момент зазвенел колокольчик на входной двери. Поцеловав Джонса в помятую ото сна щёку, я выбежала во внутренний двор.

Несколькими днями ранее. Столица Республики Эглетон. Полицейское управление Бриджа.

– Господа, доброе утро! – приветствовал коллег грузный мужчина в идеально сидящей на нём полицейской форме. – Прошу садиться, – разрешил он, и в тёмном помещении небольшой переговорной раздался звук отодвигаемых стульев. – Дэвидсон, что у нас?

– Доброе утро! – поздоровался молодой полицейский. – Утечка из Министерства промышленности и торговли подтвердилась. Мы проверили информацию, действительно, за последний год несколько достаточно значимых открытий в различных хозяйственных областях были проданы в Турин, минуя парламент и президента. Все изобретённые технологии принадлежали или молодым независимым учёным, или мелким предпринимателям, не имеющим достаточных связей, чтобы поднять шумиху. Всё было обставлено как добровольная передача прав в фонд «Экономика будущего» под эгидой министерства. Самое интересное, что фонд действительно выделял деньги на развитие идей. Люди были рады получить хоть что-то. А поскольку процент технологий, принадлежащих фонду и проданных на сторону, был ничтожно мал – это стало ещё одной причиной, почему информация так поздно дошла до нас.

– Харрис? Твои комментарии?

– Новаторы, действительно, шли в министерство сами. Но, похоже, аппетиты предателей росли, или туринцы сделали заказ в определённой сфере. У дальней родственницы нашего сотрудника были украдены документы на швейную машину с новым принципом работы. Станок способен не просто шить, но и вышивать. Нам удалось выследить вора, это некий мистер Дуглас Саливан. Безработный, замешанный в нескольких некрасивых историях с богатыми наследницами, брачный аферист. Мы следили за его передвижениями – сейчас он находится в провинции Бонво. Там же недавно было изобретено сильнейшее средство по борьбе с садовыми вредителями. Полагаем, что он приехал туда с целью завладеть результатами исследований. В ближайшее время он отправится в Бридж. В столице Саливан должен будет передать информацию заказчику. Рассчитываем выйти на того, кто стоит за воровством в министерстве. Пока ясно лишь то, что этот кто-то имеет широкий доступ к информации и, вполне вероятно, достаточно влиятелен, чтобы рисковать. Под подозрение попали все, кто так или иначе связан с фондом. В том числе, мистер Томас Трэвис – директор «Экономики будущего».

– Хорошо. Дэвид, я хочу, чтобы ты лично проследил за операцией в Рамбуи. Наши доблестные провинциальные коллеги из-за излишнего рвения способны

запороть даже такую ерунду.

Послышались понимающие смешки.

– Слушаюсь, полковник, – улыбнулся симпатичный синеглазый офицер. – Я уже попросил особый отдел выделить мне двоих сопровождающих и сделать необходимые приготовления.

– Мелроуз, посодействуй! – тяжёлый взгляд полковника выхватил начальника особистов. – Министр готов предоставить любую помощь, чтобы найти крысу до того, как общественности станет известно об утечке технологий.

– Да, сэр, – слегка поклонился подчинённый – приятный мужчина неопределённого возраста с открытым взглядом. Располагающий и совершенно обычный, каких тысячи на улицах любого города. Начальник Особого отдела полиции – мистер Альфред Мелроуз.

Человек, именем которого в республике пугали детей.

Глава 2

Утром неожиданно испортилась погода. Налетели тучи, и с неба накрапывал мелкий противный дождь. Пассажиры прятались от стихии под навесами над железнодорожными платформами и в здании вокзала Рамбуи. Я вертела в руках билет, проверяя номер поезда и вагона, и слушала напутственную речь любимой подруги Мэгги, с которой мы жили последние несколько лет в старом доме моей бабушки, доставшемся в наследство от деда.

– Обязательно, слышишь, Эви, зайти в Центральный магазин и купи мне соломенную шляпку! – говорила Мэган, поправляя полы нового жёлтого плаща. Её светлые волосы и голубые глаза особенно ярко выделялись на фоне солнечного, отделанного синими лентами капюшона. – Ещё купи мне две, нет, три пары резиновых перчаток, семена петунии махровой и большой садовый секатор, – продолжила она перечислять необходимые к приобретению вещи. – В общем, держи список, – в конце концов сказала она и протянула мне листок,

исписанный ровным почерком, выдающим в его обладательнице воспитанницу приюта Святой Эвгении.

Приют этот находился в трёхстах километрах от Рамбуи, и именно оттуда по высочайшему распоряжению в единственный институт нашего славного города направлялись молодые перспективные сироты, чтобы в дальнейшем достойно трудиться на благо сельскохозяйственной промышленности Эглетона. Из приюта Святой Эвгении двадцать четыре года назад в Рамбуи была направлена моя мама, поэтому о царящей там строжайшей дисциплине, бедности его выпускников и их трудностях в большом мире я знала из первых рук. Не было ничего удивительного в том, что я предложила помощь растерянной и расстроенной скромно одетой девушке в первый день обучения в институте. Комендант нашего общежития отказал ей в месте, хотел или денег, или свидания с симпатичной студенткой, а я предложила переночевать у нас, пока не прояснится вопрос с комнатой.

Мэгги была чудесной девушкой, доброй, весёлой и, главное, не имела ничего против моей бабули. Никто из родственников женского пола не мог настроить её против «самой страшной расхитительницы чужих мужей». В наших с Люси лицах она обрела семью, а у меня появилась первая в жизни подруга.

– Может быть, всё же поедешь со мной? – заискивающе спросила я. Перспектива весь незапланированный отпуск гоняться в поисках новейших садовых инструментов совершенно не привлекала. – Митчел по секрету сообщил, что у него есть ещё несколько свободных мест.

– Эви, – с укоризной сказала подруга, – ты же прекрасно знаешь, что я не могу. У меня Розы!

Розы – это да. Против роз даже Люсиль не имела никакого оружия. Мэгги несколько лет кропотливо выводила новый сорт, и её труды не прошли даром. Подругу пригласили на большую выставку сельскохозяйственных достижений, которая должна была состояться через несколько дней в соседней провинции. Зная, как важно для Мэг признание её работы, бабуля не стала уговаривать подругу приехать. Хотя, справедливости ради, на трёх предыдущих бабушкиных свадьбах присутствовала именно она. Теперь пришёл мой черёд.

Я убрала список к билетам – в карман нового пиджака, лилового, как кусты лаванды, выращенные Мэгги на нашем заднем дворе. Ридикюль был доверху набит мелочами, необходимыми приличной женщине в дороге, я и паспорт-то туда непонятно как запихнула.

Купить нужные подруге вещи попрошу Ребекку. Вот уж кому прогулки по магазинам доставляют истинное удовольствие. Несмотря на первое впечатление и сложные взаимоотношения с мачехой, сводная сестра оказалась не такой уж плохой. Свадьбу родителей мы вынуждены были провести вдвоём и, как ни странно, остались довольны друг другом. Бекки помогала мне не запутаться в именах гостей, подсказывала, какой вилкой ковырять неизвестные кулинарные изыски в тарелках и пыталась всячески развеселить и поддержать. Хотя причина моего уныния была вовсе не в свадьбе отца, а в том, что светилом юриспруденции мне отныне было не стать. В Рамбуи этому не учили.

Сестра стала моим проводником в мир аристократии, и она же, в ответ на мой гипотетический вопрос, что будет, если случайно засветить дворянину в глаз, честно ответила – ничего хорошего.

Громкоговоритель уведомил о скором отправлении поезда на Бридж. Мы с Мэгги одновременно посмотрели на большие круглые вокзальные часы – кованые, с причудливо изогнутыми стрелками и вот уже несколько месяцев неизменно показывающие полдень. Наш часовщик с весны праздновал рождение младшего сына, а нанимать другого мэр не захотел из патриотических соображений. Понимающе вздохнули и направились к платформам мимо билетных касс и кабинета директора вокзала. Дверь Митчела была приоткрыта, из помещения раздавались горестные всхлипы и мужские успокаивающие голоса.

– Всё, всё до единой песчинки! Все мои разработки! Всё пропало, – причитала женщина.

– Успокойтесь, миссис Брэкстоун, расскажите по порядку. Когда вы обнаружили пропажу?

– Я должна была представить свою работу биохимикам в Бридже. Приехала на вокзал заранее, чтобы не опоздать, – судорожно объясняла мадам. – Всё было здесь, со мной. Я отвлеклась на несколько секунд, кто-то громко закричал, и я посмотрела в сторону звука. Повернулась, а саквояжа с материалами нет, – дама

достала крохотный платочек и промокнула выступившие слёзы.

- Не волнуйтесь, разберёмся, - заверил её усатый полицейский.

- Моя лучшая разработка! Оружие массового поражения насекомых! - разрыдалась в ответ госпожа Сесилия, звезда вчерашнего выпуска «Вестник Рамбуи».

Мэгги аккуратно прикрыла дверь, незаметно приветственно махнув сочувствующему Митчелу.

- Дела... - глубокомысленно протянула подруга. - Надо срочно идти домой, проверять, все ли розы на месте!

- Ты же собиралась пойти на почту, получить долгожданное приглашение на выставку.

- Заберу после обеда, - подумав, ответила Мэг.

Я кивнула, соглашаясь. Нет ничего более обидного, когда кто-то крадёт результат твоих многодневных трудов. Мы вышли к поездам, и Мэгги уже решила не ждать отправления и бежать по направлению к дому, как в толпе пассажиров на перроне я выхватила знакомую фигуру и от неожиданности встала как вкопанная.

- Поцелуй от меня Люси и не забудь передать, что семена, которые в синем мешочке, сажать сейчас. Красные - оставить на весну, - давала подруга последние напутствия. - Эви, ты чего? Ты почему так побледнела? Тебе плохо? Дать воды?

А я чувствовала, как твёрдая поверхность качается под ногами. Потому что заинтересовавший меня незнакомец обернулся, и даже сквозь толстые линзы огромных очков я узнала синие глаза Дэвида Харриса. Мой самый страшный кошмар неожиданно рано начал воплощаться в жизнь.

- Это он, Мэгги, - хрипло прошептала я.

– Кто?

– Харрис, – прикрыла я глаза. – Вон тот, с бородкой и почему-то в очках, но это совершенно точно он!

– Ты уверена? – не поверила Мэган.

– Абсолютно, – кивнула я и окончательно разнервничалась. – Что делать? Что делать?! – я схватила подругу за полы плаща. – Он всё-таки нашёл меня! Господи, ну почему сейчас? Я ведь ещё так молода! Я ещё даже не замужем! – Мэгги ошарашенно смотрела на мои метания. – Точно! Мне надо срочно изменить внешность! – догадалась я. – Надо найти большие очки! Большие, такие как у Харриса! Мэгги, – дёрнула я её за капюшон, – умоляю, достань мне очки!

– Какие очки! – зашипела подруга. – Ты с ума сошла?! Может, он давно тебя забыл, может, он здесь вообще случайно!

– Думаешь? – обрадовалась я, и мы вместе посмотрели в сторону бородатого Дэвида.

Он по-прежнему стоял довольно далеко, но, приспустив огромные очки, изумлённо смотрел на меня. В упор.

– М-да, похоже, не забыл, – согласилась Мэгги.

Решительно отцепила мои руки от своего плаща, одной рукой подхватила чемодан, а второй взяла меня за локоть, чтобы нырнуть за большую колонну и обсудить дальнейший план по спасению одной несдержанной особы от справедливой аристократической мести.

По итогам экстренного совещания решено было заменить самую слабую часть плана – очки (в связи с их отсутствием) на новый плащ Мэгги. Тем более, что большой капюшон отлично маскировал кудри.

– Вот теперь ты выглядишь достаточно незаметно, чтобы потеряться в толпе, – довольно оглядела меня лишившаяся обновки подруга. – Лиловый отлично сочетается с жёлтым!

– По-моему, я похожа на клоуна, – не согласилась я.

– В том и соль! Все будут смотреть на платье, и никто при этом не заметит твоего лица!

Раздумывать было некогда. Снова объявили посадку на поезд, времени на то, чтобы придумать что-то более разумное не оставалось, и я дёрнула за ленту капюшона, чтобы в самый неподходящий момент тот не свалился с головы.

– Так, теперь я выхожу и отвлекаю его на себя, – с отчаянной решимостью заявила Мэган.

Я же никак не могла справиться с завязками и разнервничалась ещё больше.

– Да что ты будешь делать! На-ка, поддержи ридикюль, – сунула подруге мешающий предмет.

Мэгги выглянула из-за колонны и снова спряталась обратно. Лицо её приобрело испуганно-сосредоточенное выражение.

– Эви, он идёт сюда! Всё, пора! – и спустя несколько мгновений мерный гул вокзала был оглашён истошным женским визгом.

– Та-та! Та-ра-кан! – заорала Мэгги и побежала на Харриса.

Выдохнув и не отвлекаясь на устроенную подругой суету, я подхватила чемодан и мелкими перебежками добралась до нужного вагона.

– Ваш билет, – с ног до головы оглядел меня одетый в красную ливрею проводник.

Дрожащими руками извлекла содержимое кармана и, отделив проездной документ от списка Мэган, показала мужчине.

– Счастливого пути, мисс, – меня пропустили в поезд.

Я прошла к своему месту под строгие просьбы проводника всем провожающим покинуть вагон. Красный ковёр заглушал шаги, дождь закончился, и солнце заглядывало сквозь приоткрытые занавески, подсвечивая пыль внутри поезда золотым светом. Два места в купе уже были заняты полной дамой в зелёно-розовых многослойных одеждах, отчего она напоминала всё ту же декоративную капусту с улиц Рамбуи, и хорошо одетым молодым человеком с тонкими усиками, светлыми волосами и какими-то блёклыми глазами. Когда я вошла, он мгновенно подскочил, назвал себя мистером Дугласом Саливаном и помог убрать чемодан под обитый бархатом диван. Благодарно улыбнулась такому любезному соседу. Села, расправила плащ и длинную юбку. Сердце билось в груди бешеной птицей, руки продолжали дрожать, но, почувствовав первый толчок уходящего поезда, я ошутимо расслабилась. Панели тёмного дерева, цветочный шёлк стен и витые светильники дарили ощущение покоя и обещали удовольствие от поездки. Уже к вечеру я буду у бабушки.

«Спасена», – успокоилась я и посмотрела в окно.

Сумятица, вызванная криками подруги и спешащими занять места пассажирами, унялась. Мэгги что-то говорила работнику вокзала, он бурно жестикулировал и хватался за сердце. Друзья и родственники махали в окна уходящему поезду. Подруга повернулась, увидела меня и показала большой палец, довольно улыбнувшись. Я продемонстрировала ей точно такой же жест. Платформа начала удаляться, и Мэган махнула мне на прощание. В руке её был мой ридикюль.

Дверь в купе открылась, и на пороге показался наш последний сосед по сегодняшнему путешествию. Мистер Дэвид Харрис.

«Я пропала», – дошло до меня со всей ужасающей ясностью.

Бросила последний взгляд на перрон. Мэгги удивлённо взирала на ридикюль, потом хлопнула себя по лбу и побежала вслед за быстро удалявшимся поездом, который, будто в насмешку над нами, весело загудел.

– Доброе утро, дамы, сэр, – поздоровался мой персональный кошмар, снял шляпу и светло улыбнулся. Белые зубы сверкнули из-под усов, а моё сердце пропустило удар – единственное свободное место было рядом со мной. Пока он неторопливо усаживался, я успела разглядеть длинные стройные ноги в узких брюках и

начищенные до блеска ботинки. Смотреть выше не позволил страх.

– Мистер Эндрю Сильвер, к вашим услугам, – представился Дэвид, и от удивления я уставилась на него во все глаза.

Дама у окна назвалась миссис Печворк, мужчины пожали друг другу руки. Я внимательно рассматривала нового попутчика, так похожего на человека из моего прошлого. А, пожалуй, действительно не он, и плечи намного шире... опять-таки не помню, чтобы Харрис носил бороду... которая, кстати, очень ему идёт. Ровный, может быть, чуть более длинный, чем у Дэвида нос, добавляющий мужчине некой харизмы. Тяжёлый подбородок, а у Харриса, я уверена, он был каким-то безвольным, широкие густые брови над умными выразительными глазами и ни капли надменности. Вон как улыбается! Харрис же смотрел свысока, и улыбка его никогда не была такой красивой. Даже дурацкие очки придают мистеру Сильверу необыкновенно милый вид.

Удивительно приятный аромат одеколona коснулся моего носа, и я окончательно убедилась, что это другой мужчина. От неприятного Харриса уж точно не могло так пахнуть!

– Эванжелина, – заулыбалась я, схватила его за руку и несколько раз хорошенько потрянула от навалившегося счастья.

Мистер Сильвер, немного ошалевший от такой радости, заверил меня, что необычайно рад знакомству с такими прекрасными соседками. Миссис Печворк от удовольствия покраснела. Эндрю положил ухоженные руки на колени, и я заметила, как на безымянном пальце мужчины сверкнуло золотое обручальное кольцо. Радость моя вдруг резко поубавилась. Единственный мужчина за долгое время, который заставил меня что-то почувствовать, мало того что напомнил неприятнейший эпизод прошлого, так ещё и оказался женат.

Настроение снова стремительно падало, как и силы, которые я существенно растеряла при побеге от пригрезившегося Харриса. Печально вздохнула и принялась развязывать ленты, чтобы снять плащ, как уже ненужную маскировку. Кудри рассыпались по плечам, а плащ нужно было аккуратно свернуть или повесить на вешалку в углу купе. Решила, что положу его на сиденье между собой и Сильвером, как напоминание о своей глупости и семейном статусе попутчика. Я почти выполнила задуманное, нащупав во

внутреннем кармане плаща что-то твёрдое, по форме и размеру напоминающее паспорт, когда что-то дёрнуло меня взглянуть на соседа. Мистер Эндрю Сильвер внимательно, будто даже хищно, смотрел на мои волосы.

Я застыла испуганным кроликом. Может быть, это какой-то злой розыгрыш? Может быть, Харрис решил не просто отомстить, а отомстить изощрённо? Свести меня с ума, а потом приходить в больницу и смеяться над несчастной, привязанной к кровати больной. В ушах зашумело. Я достала из кармана документы Мегги и прижала к груди.

– Давайте я помогу, – сказал мужчина и ласково мне улыбнулся.

«Нет, не Харрис, – подумала я. – Пожалуй, если бы Харрис был таким, как Эндрю, я бы непременно удержалась от рукоприкладства при нашей встрече».

С другой стороны, а что я вообще знала о сыне министра полиции? Знала я ничтожно мало. Со слов Ребекки, Дэвид был заносчивым, высокомерным и избалованным вниманием юных леди. Все её подруги мечтали составить ему партию, но он почему-то не торопился осуществлять эти мечты. Так же он имел славу жёсткого и весьма злопамятного джентльмена – все, кто когда-либо смели оскорбить его, успевали неоднократно жалеть об этом. Он не отказывался ни от дуэли, ни от хорошей драки. Владел словом и обладал достаточным знанием законов, чтобы поставить на место любого, даже без помощи отца.

– Нет-нет, не утруждайтесь, – поблагодарила я и привстала. Плащу всё же место на вешалке.

Сильвер немедленно вскочил, уступая дорогу. Мэггина обновка заняла положенное место, я подошла к зеркалу – поправить причёску и убедиться, что на лице отсутствуют какие-нибудь пятна, которых там быть не должно, например, от джема или зубного порошка. Утро никогда не было моим любимым временем суток, и опасения были небеспочвенными.

Отражение было удивительно приличным. Глаза горели, щёки покраснелись, а волосы, слегка примятые капюшоном, лежали красивыми волнами.

– Мы познакомились по переписке, – тем временем рассказывал мистер Саливан. – Больше года обменивались письмами и теперь, когда мне

предоставили долгожданный отпуск, наконец, увиделись лично.

– Как романтично, – миссис Печворк извлекла из многочисленных складок своего платья большое красное яблоко и откусила кусок. – А мне предложили работу кухаркой в доме одной весьма состоятельной семьи. Долго думала, решила, что пора менять обстановку, и согласилась, – объяснила она причину поездки.

Я с интересом прислушивалась к разговору. Расправила плечи, смахнула с лацкана пиджака несуществующую соринку и случайно поймала в зеркале заинтересованный мужской взгляд. Мистер Сильвер откровенно следил за моими движениями и, судя по блуждающей на губах лёгкой улыбке, получал удовольствие от увиденного.

– Понимаю, – с усилием отвернулся и включился Эндрю в разговор. – Я тоже был в Рамбуи по работе. Представлял интересы моего клиента в суде.

«Ещё и адвокат», – подумала я и вздохнула. В связи с тем, что мне выучиться на юриста не удалось, профессия адвоката была для меня самой романтичной из всех возможных. Я же стала плохим озеленителем. Плохим, потому что у меня, в отличие от той же Мэгги, ничего не росло, и озеленителем, потому что в Рамбуи учили только аграрному делу и животноводству. Скотовод из меня был ещё хуже садовода.

– А вы, мисс Эванжелина? – поинтересовался мистер Дуглас. – Что ведёт в столицу вас?

– Еду на свадьбу к бабушке, – честно ответила я и направилась к нашему с Сильвером дивану.

– К бабушке? – удивился Эндрю и, вставая, дёрнул ногой, как раз в тот момент, когда я проходила к себе. Я запнулась, покачнулась, и чуть было не упала носом в разделяющий диваны столик, но мистер Сильвер спас меня от позора, подхватив за талию.

– Благодарю, – смутилась я от близости мужчины, горячих крепких рук на спине и тёплого дыхания у моей щеки. Он ни на миг не нарушил приличий, не задержал объятий и выпустил меня сразу, как только убедился, что я способна сесть самостоятельно. Усилием воли отогнала подступившее разочарование.

«Эванжелина, он женат!» – запретила я себе даже смотреть в его сторону и уткнулась в окно, чтобы снова не начать любоваться чётким профилем Эндрю. Миссис Печворк громко хрустела яблоком, мистер Саливан рассказывал о несравненной красоте своей невесты, а Сильвер, убедившись, что соседка не желает разговаривать, уткнулся в газету.

За окном пролетала провинция Бонво. Разноцветные лоскуты усеянных разными культурами полей, редкие леса и деревни, окружённые высокими каменными заборами. В небе летали вороны. Прячась среди высоких подсолнечников, в птиц стреляли охотники. Стучали колёса, миссис Печворк бесконечно что-то ела, напоминая мне о скудной завтраке, который был уже довольно давно. К сожалению, денег в плаще Мегги не оказалось. В паспорте лежало только почтовое уведомление. Значит, быть мне голодной до самого Бриджа. Я закрыла глаза и задремала под тихое бурчание в животе.

Разбудил меня стук и звук открывающейся двери.

– Господа, прошу вас приготовить билеты и паспорта, – вошёл в купе проводник. – Новые правила въезда в столицу. Теперь мы подаём списки всех въезжающих в Бридж, – и он продемонстрировал нам толстую разлинованную тетрадь с номером состава и вагона на обложке.

– Да, конечно, – ответил за всех Эндрю и первый протянул билет и паспорт.

– Мистер Сильвер, – с лёгким поклоном вернул проводник документы, – приятного путешествия.

Та же процедура повторилась с другими двумя пассажирами. Наконец, очередь дошла до меня. Похолодевшими от предчувствия неприятностей руками я протянула контролёру проездной и паспорт Мэгги. Он открыл синюю книжечку, пролистал пустые страницы и посмотрел на чёрно-белое фото.

– Мисс Мэган Ланкастер? – сомневаясь, спросил он.

– Э... да? – так же неуверенно ответила я.

– Вы несколько изменились, – заметил проводник.

– Это завивка, – соврала я.

– Счастливой дороги, – спустя короткий миг, показавшийся мне вечностью, вернул он мне чужой паспорт. Ещё раз пожелал всем нам хорошей дороги, прекрасного времяпрепровождения в столице и ушёл, закрыв за собой дверь.

Я облегчённо выдохнула. Кажется, снова повезло.

– Вы дрожите, – тихо шепнул мне сосед, – Принесу вам чаю, – и, не дожидаясь ответа, вышел за проводником. Вскоре захлопали двери соседних с нами купе, пассажиры, отметившись в журнале, спешили пройти в вагон- ресторан, чтобы первыми занять свободные столики.

Вернулся Сильвер спустя двадцать минут, поставил передо мной бокал с чаем в железной подставке и разрезанный вдоль багет с ветчиной, сыром и зеленью.

– Пойду, пройду, – ласково улыбнулся джентльмен и оставил меня единственной владелицей диванчика, чтобы не смущать.

Сердце сладко замерло, а лицо залил румянец.

– Приятного аппетита, дорогуша, – пожелала мне мадам Печворк.

– Спасибо.

И так она на меня посмотрела, что я тут же вспомнила об обручальном кольце Сильвера. Откусила бутерброд с особенным остервенением. Снова я в столице, и опять катастрофически не везёт.

Поезд Рамбуи–Бридж. Вагон-ресторан. Несколько минут спустя.

Мистер Эндрю Сильвер вернулся в вагон-ресторан. Занял крайний от бара столик, расположенный чуть в стороне от остальных, заказал чашку чёрного кофе и продолжил чтение газеты.

- Простите, у вас свободно? – спустя несколько минут потревожил его пассажир.

- Да, конечно, садитесь, – любезно ответил Эндрю.

Мужчина поставил на стол бокал с водой, уселся и посмотрел на Сильвера.

- В моем купе едет девушка. Мэган Ланкастер. Едет в Бридж по надуманному поводу. Одета так, будто бежала в спешке, представляется чужим именем, голодна и напугана. Проверь, кто такая и откуда. Возможно, ей нужна помощь. Или... – вдруг задумался полицейский.

- Или? – так и не дождавшись продолжения, переспросил особист.

- Или мне отказывает интуиция, и нас пустили по ложному следу. Кто, как не красивая, попавшая в беду женщина, способна вызвать сочувствие и обвести мужчин вокруг пальца?

Глава 3

В пять часов после полудня, согласно расписанию, поезд «Рамбуи – Бридж» прибыл на Южный вокзал столицы. В тот миг, когда состав остановился, затих гул колёс, и зашуршали вещами пассажиры, я проснулась на удивление выспавшейся, отдохнувшей и полной сил. Снилось мне что-то необыкновенно приятное, а ощущение тепла и защищённости, длившееся весь сон, не спешило исчезать.

- Прибыли, – выдохнул мне в макушку глубокий мужской голос.

Резко села от неожиданности. Всё это время я спала на плече соседа, и он слегка придерживал меня одной рукой, чтобы не потревожить.

Мистер Саливан раскланивался в дверях купе, миссис Печворк складывала остатки провизии в саквояж, а мистер Сильвер, который большую часть дороги

прослужил мне отличной подушкой, сворачивал газету, не испытывая неловкости от подобного использования.

С нашим купе поравнялась молодая женщина с маленькими детьми. Одного малыша она несла на руках, второй шёл, цепляясь за юбку матери и истошно орал. Уставшая родительница свободной рукой переставляла сначала чемодан, затем саквояж, задерживала проход и очень от этого нервничала. Сильвер, ставший невольным свидетелем этой сцены, поспешил ей на помощь, буркнув мне на прощание что-то вроде «я сейчас». Мамаша рассыпалась в благодарностях, а я почувствовала острый укол ничем не обоснованной ревности и обиды.

– Бессовестная нахалка, – обличительно заявила миссис Печворк, надевая на палец непонятно откуда взявшийся перстень, массивный, мрачный и какой-то острый. Совершенно не сочетающийся с её нарядом, а потому бросившийся мне в глаза. – Не успела приехать, а уже крутит с женатым мужчиной! У него наверняка семеро по лавкам сидят! Как только я от стыда не провалилась, глядя на вашу парочку?! Тьфу! – укоряюще помотала она головой и гордо удалилась.

А я осталась глупо хлопать глазами. Отповедь женщины упала на благодатную почву. Я ругала себя на чём свет стоит, и эпитет «безголовая» был самым ласковым в череде слов, которыми я себя называла. В конце концов, мне это надоело, и я начала ругать уже самого Сильвера. Зачем он мне улыбался и кормил обедом? Почему не разбудил, когда я заснула на его плече? Разве можно быть таким идеальным? И зачем он так опрометчиво рано женился?

Сутолока в коридоре сошла на нет, путешествие подошло к концу, и я решила, что это короткое случайное знакомство нужно вычеркнуть из памяти. Определенно, именно так и следует поступить. Бросила плащ Мэгги на руку, достала чемодан и вышла из купе.

Южный вокзал поражал размерами, впрочем, как и всё в Бридже. Бессчётное количество путей, столько же платформ, огромное здание, состоявшее из нескольких корпусов и, конечно, пассажиры. Целое море людей. И куда-то спешащие, быстро идущие в разных направлениях, и празднующиеся в ожидании отправления, и что-то покупающие в многочисленных магазинах, и даже спящие в большом светлом зале на жёстких стульях.

Толпа вынесла меня на привокзальную площадь. Часы на величественной башне, возвышающейся над шестью этажами вокзала, показывали двадцать минут шестого. Пока ещё было светло, но солнечный свет уже играл тёплыми вечерними оттенками розового. Значит, скоро стемнеет. Заметив среди выстриженных в строгие геометрические фигуры деревьев памятник двести лет назад уступившей парламенту власти Королеве, я ускорила шаг. Возможно, среди ожидающих у одного из самых приметных мест Бриджа, стоит с ароматной сигарой бабуля. Эту привычку не смог перебороть ни один из её предыдущих мужей, а мне нравился тонкий запах табака и то, как лихо у Люсиль получается обрезать кончик сигары, а потом раскуривать её с самым блаженным видом.

– Мэган! – услышала я чей-то крик, но не придала ему никакого значения. Мало ли в Бридже Мэган? – Мисс Ланкастер, Мэгги! – прозвучало ближе. – Подождите же! – крикнули теперь уже совершенно точно мне, почему-то назвав именем подруги.

Остановив меня на полпути к памятнику, мистер Сильвер перегородил мне дорогу и закрыл обзор. Стоя он оказался значительно выше меня, и теперь смотрел свысока, но при этом подозрительно ласково.

– Мы не успели попрощаться, – Эндрю взял меня за руку и заглянул в глаза. – Если вы не против, то я мог бы отвезти вас в гостиницу, – он погладил меня по запястью.

От нежности в его голосе я таяла, как тает мороженое в жаркий полдень. Мужчина сделал ещё один шаг, склонился ко мне и чуть слышно сказал:

– Если пожелаете, я сниму вам номер... на столько, сколько понадобится, – он был так близко, что моё сердце снова замерло, как делало это с того самого мига, как я увидела Сильвера на вокзале Рамбуи. И снова побежало с бешеной скоростью, потому что я вдруг ярко представила, как красиво очерченный рот Эндрю приникает к моим губам.

«Интересно, будет ли нам мешать борода?» – пришла глупая мысль.

– Папа! – крикнул рядом какой-то мальчишка.

«У него наверняка семеро по лавкам сидят», – всплыли в памяти слова миссис Печворк, и до меня хоть и с опозданием, но дошёл смысл предложения Сильвера. Жестокая правда вдребезги разбила романтический настрой, на смену ему пришла злость.

– Ну, знаете ли?! – вырвала я ладонь. – Да как вам не стыдно?! – нет, подумать только, отвезёт он меня до отеля! А потом снимет номер, а потом будет навещать тайком от жены и детей! – За кого вы меня принимаете?! – наименование древнейшей профессии почему-то показалось мне неуместным относительно себя самой, но, захлёбываясь от эмоций, я всё же договорила: – За дешёвую женщину?! – дёрнула чемодан за ручку и попыталась уйти, обходя неподвижного мужчину.

– Подождите, Мэгги, почему дешёвую? – будто бы искренне удивился Эндрю и снова попытался остановить, положив руку мне на плечо.

– То есть дорогую? – окончательно разъярилась я и поступила, как учил меня в таких случаях шестой муж бабушки – учитель по самообороне. Я отвесила Эндрю Сильверу оплеуху.

– И не смейте ко мне подходить! – предупредила нахала. – А с виду такой приличный, – покачала я головой. – Бедная ваша жена!

– Какая жена? – ошарашенно спросил Сильвер, потирая покрасневшую щёку.

Не стала ничего отвечать, только фыркнула, гордо задрала голову и с видом победительницы зашагала с вокзала прочь. Подожду Люси в салоне. Не хочу больше иметь ничего общего с этим бесчестным человеком!

В воинственном настроении я шла по широким улицам столицы, а острые каблуки моих туфелек стучали в ритме боевого марша. Через пару кварталов запах начал снижаться, а чемодан становился всё тяжелее и тяжелее. Чтобы отдохнуть и убрать всё ещё болтающийся на локте слегка помятый плащ Мэгги, я остановилась в тени высокого, а потому вольно растущего дерева. Вздохнула, убрала накидку и огляделась. В пылу праведного негодования я дошла до отеля «Гранд Опера», мне оставалось буквально несколько домов до салона госпожи Люсинды. Отделанный мрамором вход в здание был украшен многочисленными деревьями в больших кадках. Были тут и самшитовые шары, и туи, уходящие

спиралями вверх и неизвестные мне растения на толстых штамбах.

«Паршивый ты, Эванжелина, озеленитель», – дала я себе очередную нелестную, но справедливую характеристику.

Лысый, одетый в зелёный костюм швейцар вежливо распахивал двери перед дорого одетыми посетителями, носильщики выкатывали золочёные тележки, чтобы помочь гостям доставить многочисленные чемоданы до дверей баснословно дорогих номеров. Соседнее с отелем строение, как несложно догадаться, было зданием Оперного театра и представляло собой величайшее творение Бриджских архитекторов. Украшенное колоннами и барельефами, с широкими парадными лестницами и высокими окнами, с кованой оградой и статуями богов, покровительствующих искусству, оно производило на неискушенного туриста ошеломительное впечатление.

Я неискушенным туристом не была, поэтому лишь едва задержала взгляд на длинной очереди в кассу за билетами на вечернее представление. Кто-то, будучи в самом хвосте, смотрел на меня, и ощущение чужого взгляда неприятно щекотало нервы. Так и не обнаружив никого, кто мог бы заинтересоваться моей скромной персоной, я снова вернулась к маршруту и поравнялась со входом в отель. Закрутились круглые стеклянные двери, и на улицу вышел мой недавний знакомый – мистер Дуглас Саливан.

– Дорогая мисс Браун, это снова вы! – обрадовался он мне. – Вы сюда? Как это замечательно, что мы будем жить с вами в одном отеле!

– Нет-нет, мистер Саливан, – рассмеялась я. – Мне жаль вас огорчить, но жить я буду у бабушки. На набережной Алоны, – и я показала ему в сторону бабулиного дома. – Так что мы с вами почти соседи.

– Жаль, очень жаль! – расстроился Дуглас. – Я немного растерян, нечасто бываю в Бридже, и хоть изредка видеть знакомое лицо было бы счастьем.

– Не печальтесь, мистер Саливан. Если вам будет грустно и одиноко, приходите в салон мадам Люсинды, мы с бабушкой угостим вас чашечкой хорошего кофе, – щедро предложила я. Потому что была уверена в том, что он откажется.

Ни один нормальный человек никогда не придёт в гости на такое приглашение – дань элементарной вежливости.

– С радостью! – удивил меня Саливан и достал откуда-то изгрызенный карандаш. – Нет ли у вас клочка бумаги, я запишу адрес? – попросил бывший попутчик.

– Сейчас, – несколько шокировано отозвалась я и нащупала в кармане пиджака сложенный листок.

Нацарапала «Набережная Алоны, 25, салон мадам Люсиль» и протянула Дугласу.

– Я зайду, как только буду свободен! – заверил меня чей-то жених, пожал мне руку и, сославшись на срочные дела, ушёл. Даже не предложив уставшей девушке донести вещи.

«Вот это джентльмен», – подумала я, из последних сил таща чемодан.

Впереди показалась серая гладь реки. Я ускорила шаг и вышла на оживлённую набережную. Уличные продавцы антиквариата (липового), старых книг (собранных из бесплатных библиотечных киосков) и эксклюзивных рисунков лучших художников прошлого века (отвратительного качества копий) громко расхваливали свой товар. Зелёные лотки их сливались с деревьями, и оттого казалось, что торговля происходит в волшебном лесу. Рядом жалостливо просили милостыню, играли на скрипке, пели и проверяли у растяп кошельки местные обитатели.

У меня красть было нечего, поэтому я расслабленно шла вдоль торговых рядов, изредка останавливаясь, чтобы передохнуть и рассмотреть особо интересные товары. Вдруг присмотрю что-то для антуража бабулиного салона? Именно на таких лотках Люси купила свою гордость – чучело совы.

Кафе на первом этаже дома, где обитала мадам Браун (бабушка не меняла фамилию со времён первого брака с дедушкой), было переполнено. Владельцы обустроили уличную террасу, и среди множества круглых столиков не было ни одного свободного места. В воздухе витали ароматы ванили, терпкого кофе и речной воды. Я прошла к высоким, выкрашенным в тёмно-синий цвет дверям. Дёрнула за золотую ручку и оказалась в полумраке коридора, настраивающего

посетителей на таинственный лад. Чёрно-белая плитка напоминала шахматное поле, стены были скрыты за панелями темного дерева, а крутая лестница уходила, казалось в самое небо.

«Последний рывок», – пообещала я чемодану.

Подъём был тяжёлым, долгим и почти непреодолимым. Когда я закинула багаж на последнюю ступеньку, ведущую на пятый этаж, яркая вывеска «Салон госпожи Люсинды» стала мне долгожданной наградой. На то, чтобы улыбнуться, не было никаких сил, поэтому в помещение для гостей я вошла с видом уставшим и, вероятно, печальным. Дама, ожидающая гадалку на мягком и наверняка удобном диване, скорчила недовольную гримасу и сказала:

– Мисс, колода карт ещё никому не устроила счастья, – потом заметила мой чемодан и добавила: – С вокзала к гадалке. Скоро ночь! Сначала вам следовало устроиться – найти гостиницу и оставить там вещи, и только потом идти в приличное заведение!

Огляделась. На стенах приёмной в хаотическом порядке болтались многочисленные стеклянные висюльки, ковром служила шкура убитого единорога (я лично, ещё в Рамбуи приклеивала этот рог и красила его перламутровой краской). Столиком у дивана – единственного в помещении обыденного на вид предмета – был привезённый из путешествия по жарким странам третьим мужем бабули кожаный барабан в форме песочных часов, а громоздкая люстра и вовсе ассоциировалась у меня с орудием пыток. И это только приёмная, основные впечатления ждали посетителей внутри – за дверью, украшенной тончайшей металлической паутиной с огромным амбарным замком, – подарок от папы на очередную свадьбу. Он давно уже расширил ассортимент производимой продукции и теперь торговал не только замка?ми, но и известными на всю республику красотой и надёжностью сейфами, дверями и металлическими шкафами для хранения оружия.

«С каких это пор гадальный салон стал приличным заведением?» – удивилась я, посмотрела на недовольную даму и поняла, что, вероятно, с тех самых пор, когда она решила почтить Люси своим вниманием.

Женщина сидела с идеально прямой спиной, была одета в тёмно-вишнёвое, наглухо закрытое платье с воротником-стойкой. В ушах таинственно мерцали

бриллианты. Из-под длинной юбки торчали острые мысы кожаных туфель, кисти рук закрывали ажурные перчатки, сверху на пальцы нанизаны массивные перстни. Чёрным кружевом были укрыты собранные в строгий узел волосы мадам. Возраст её было сложно определить – стройной фигуре могла позавидовать любая девушка. Волосы посетительницы были светлыми, без единого проблеска седины, впрочем, волосы Люси были точно такого же цвета. Из чего я сделала вывод, что у них, вполне вероятно, один парикмахер. Тонкая сеточка морщин покрывала бледную сухую кожу, а голос начинал дребезжать на повышенных тонах, значит, клиентке не меньше семидесяти лет. Судя по манерам – аристократка, по величине камней в украшениях – не бедная.

«Клиент не всегда прав, – говорила Люси, – но клиент богатый ошибается крайне редко». Как хорошей внучке и будущей наследнице состояния мадам Браун (бабуля уже составила завещание и перевела большую часть счетов и недвижимость на мое имя), мне следовало помочь удержать платёжеспособную даму. Я достала многострадальный плащ Мэгги, чтобы повесить его на крючок, на которые крепились стекляшки и, подключив все свои небольшие актёрские способности, уверенно заявила:

– Да вы что, мадам?! Какая гостиница? Это же госпожа Люсинда! Лучшая гадалка на таро нашей современности! Разве можно терять время на такую ерунду, а ну как ещё приду поздно, тут очередь, и она меня не примет! И не зря переживала, – задрала я нос, – вы же тут сидите!

На твёрдый пол громко упал чемодан, и я уселась на него сверху, всем видом демонстрируя готовность во что бы то ни стало дождаться очереди.

– Я пришла вовсе не за этим, – высокомерно фыркнула женщина. – Мне нужно переговорить с госпожой Люсиндой по личному делу.

– Конечно, – понятиливо поддакнула я. – Мне тоже исключительно по личному.

– Зачем я вообще вам что-то объясняю? – взвилась аристократка и медленно, с едва заметной неловкостью, как если бы страдала от болей в коленях, поднялась с дивана.

Кажется, из лучших побуждений я немного переборщила с рекламой. Пока раздумывала как исправить впечатление, на лестнице послышались тяжёлые

мужские шаги, а затем в небольшую приёмную бабушки вошёл молодой дорого одетый светловолосый джентльмен с правильными чертами лица и чашечкой кофе в руках.

– Вот и я, тётушка, – сказал он, бросив на меня мимолётный взгляд, – ваш кофе.

– Спасибо, Колин, – с достоинством приняла мадам подношение.

Я поднялась с чемодана, тогда она снова заняла прежнее место на диване и сделала глоток ароматного напитка.

– Вижу, госпожа гадалка так и не пришла, – заметил блондин, брезгливо морщась. – Может быть, стоит прийти в другой раз? Тем более, через несколько минут у меня встреча, и я не смогу проводить вас домой, – с сожалением добавил он тётушке.

«Значит, мы должны были встретиться на вокзале», – огорчённо догадалась я. Теперь непонятно сколько ждать Люси. С неё станется пройтись по всем вагонам поезда «Рамбуи–Бридж» в поисках внучки, а потом, не найдя меня там, познакомиться с начальником вокзала и очаровать до такой степени, чтобы он распорядился расспросить работников, не видели ли они кареглазой кудрявой девушки – её внучки. Подобный прецедент был, когда я потерялась в центральном универмаге Бриджа в свой первый приезд в столицу. Тогда она не только в кратчайшие сроки меня нашла, но и обзавелась приличной скидкой в лучшем магазине столицы.

«Есть вероятность ждать до самой темноты», – тоскливо пронеслось в голове.

– Ну и место, – он выразительно оглядел обстановку, – и клиенты под стать – фигляры с провинциальной ярмарки.

Я посмотрела на так и не повешенный помятый жёлтый плащ в своих руках. Да, жёлтый с синим и лиловый – убойное сочетание. Пожала плечами – мужчина, в сущности, был прав.

– Я хочу видеть госпожу гадалку сегодня, – холодно сказала пожилая мадам племяннику. – И, Колин, в кофе недостаточно сахара, – выгнула она тонкую

подведённую бровь.

- Вы ведь просили чёрный кофе, - заалел мужчина щеками.

- Разве? - издевательски уточнила тетушка.

- Схожу за сахаром, - вымучил улыбку блондин и с такой же идеальной, как у тётки спиной, направился к лестнице.

«Не просто состоятельна, а баснословно богата!» - убедилась я в своих подозрениях.

- Подхалим и лицемер, - поджала она губы. - И что самое печальное, неумный и высокомерный.

- Наследник? - понятливо уточнила я.

- Наследник? Нет, конечно. Чужая кровь - седьмая вода на киселе со стороны покойного мужа. Такого же сладкоголосого повесы и транжиры, как и сам Колин, - задумчиво ответила женщина. - Но мечтает им стать, - она допила кофе, поставила пустую чашку на барабан, едва заметно улыбнулась и спросила: - Так по какому вы делу к госпоже Люсинде?

Я посмотрела на чемодан, на пожилую даму, потом снова на чемодан. То, что сейчас аристократка была в хорошем расположении духа, вовсе не означает, что она не вздумает уйти из салона, когда я стану ей отвечать. Скажу что-нибудь оскорбительное для её дворянских ушей, и прощай, клиентка. Поэтому я приставила тяжёлый багаж к стене, поправила юбку и сказала:

- Мне, пожалуй, действительно стоит поискать гостиницу. Отойду ненадолго, - а потом ляпнула, - посторожите чемодан.

Вряд ли ей придет в голову украсть мой саквояж. А бабушка, увидев вещи, только обрадуется, что я благополучно добралась до столицы, и поставит багаж в мою спальню.

Пока мадам собиралась с мыслями, чтобы выразить достойный нахалки ответ – от негодования она затряслась, вызывая у меня разумные опасения о её здоровье, я уже была этажом ниже. Удивительно, но сверху вместо гневных окриков послышался задорный весёлый смех.

Южный вокзал Бриджа. Немногим ранее

Мистер Харрис, слишком довольный для человека, который только что получил заслуженную оплеуху, любовался стремительно удаляющейся девушкой. Ошеломлённый, он не сразу понял, что произошло, и замешкался, но успел подать особисту знак проследить за мисс. Обычно он действовал на противоположный пол магнетически – дамы, даже благородного происхождения, прощали ему вольное обращение и, зачем скромничать, вешались на шею. Разве что однажды, в далёкой юности, когда он вполне вежливо пытался объяснить приезжей абитуриентке, что та сейчас ворвётся в мужской туалет, он неожиданно получил маленьким кулачком в глаз.

К тому моменту его репутация была настолько чиста, что ей не помешало бы хоть одно самое маленькое пятнышко. Отец давно говорил, если у друзей не будет ни одного повода посмеяться над ним, то и достаточной близости между ними не будет. Только подтрунивая друг над другом, можно сохранить присущую юности лёгкость в отношениях. Поэтому тогда он только обрадовался конфузу и позже, почувствовав, как уходит царившее в последние годы обучения напряжение между недавними друзьями, но теперь почти соперниками, был немного благодарен странной юной мисс. Кстати, вроде бы, тоже кудрявой.

Полицейский вышел на оживлённую улицу, остановил проезжающее мимо такси и сел в автомобиль.

– Мисс Мэган Ланкастер. Не замужем, воспитанница приюта Святой Эвгении. Двадцать два года. Работает в аспирантуре университета Рамбуи. Проживает в общежитии для преподавателей, – отчитался водитель. – Это всё, что мы успели узнать. Нужно ли больше информации?

– Пока нет, – распорядился Харрис.

«Закончу дело и начну ухаживания по всей форме», – решил мужчина и прокрутил на пальце обручальное кольцо.

Возможно, отец снова прав, и пора остепениться?

Впервые эта мысль не вызывала у Дэвида отвращения. Перед глазами стояла сверкающая глазами, кудрявая гордая мисс. А что до происхождения...

Разве можно желать родственников лучше, чем у круглой сироты?

Глава 4

Чтобы в дверях не столкнуться с неприятным племянником пожилой дамы, я не стала спускаться до первого этажа, а остановилась на втором. Открыла неприметную дверь, которая никогда не закрывалась, и уверенно прошла в тёмный коридор, настолько узкий, что двоим стройным квартирантам было бы не разойтись. В самом конце его была лестница, ведущая во двор дома со стороны бульвара, – этот лаз насквозь прошивал здание.

Освещения здесь не водилось, наверное, с того момента, как особенно ушлый владелец этажа решил разделить свою квартиру на множество маленьких. В некоторых не было кухни и санузла, но неизменно находились жильцы, потому что аренда даже крошечной комнаты в Бридже стоила целое состояние.

За тонкой стеной слышался звук открывающегося крана. Видимо, вместо того, чтобы пустить воды, тот только чихнул, потому что следом кто-то начал витиевато ругаться. Судя по множеству эпитетов, этим кем-то был знаменитый на весь дом Кельвин Стоун. Романист, так и не дописавший ни одного своего романа, но бесконечно рассказывающий о том, что непременно это сделает, и поэт-песенник, к сожалению, до сих пор не нашедший для своих произведений подходящего исполнителя.

В его квартире громко, как если бы стены между нами и вовсе не было, закрипел пол. Резко открылась хлипкая, почти картонная дверь, и длинный нос мистера Стоуна оказался прямо напротив моего. Потому что роста мы были

одинаково небольшого.

Меня и Кельвина связывали исключительно тёплые воспоминания. Он был первым, с кем я познакомилась, когда мы с бабушкой переехали в этот дом. И первым, кто поддержал меня, когда я провалила вступительное собеседование. К стыду своему, надо добавить, что в тот самый день он стал первым, кто познакомил меня с алкоголем. Сосед был старше на несколько лет, но хоть и жил один вдали от родителей, всё ещё оставался несовершеннолетним. Поэтому разнос от бабушки мы тогда получили знатный. Зато я нашла в нём если не друга, то хорошего приятеля. А его совет – «просто сиди тихо, и никто не о чём не узнает», тогда пришёлся очень кстати.

– Ангелочек, ты ли это?! – дыхнул он мне перегаром прямо в лицо. – Ты так повзрослела! Как я рад тебя видеть! У меня такие новости, такие! – захлёбывался он от восторга.

– Здравствуй, Кельвин, – зажмурилась я и от сбивающего с ног аромата, и от ослепляющего после мрака света. – Какие новости?

– Я дописал роман! – подпрыгнул он от радости.

За спиной его отражался живописный бардак – разбросанные всюду вещи, книги, ноты, бутылки и грязные тарелки. Мыши, наверное, счастливы иметь такого соседа.

– Да ты что?! – дошёл до меня смысл его слов.

– Да! – гордо расправил он плечи, а потом, будто между делом, сообщил: – И в печать уже взяли.

– Это же чудесно! – искренне поздравила я, невольно заражаясь его восторгом.

– И раз ты приехала, мы должны немедленно это отметить! – в порыве чувств он схватил меня за плечи и немного потряс.

– Такое ощущение, что ты уже успел сегодня отпраздновать, – отшатнулась я и тут же упёрлась в стену. – И вчера, – посмотрела на помятого писателя, – да и

позавчера тоже.

– Ну да, – он взлохматил светлые волосы, отчего длинная чёлка упала ему на глаза. – Уже неделю как праздную, – и он красивым отработанным жестом откинул волосы назад так, что даже я залюбовалась.

– Оно и видно, – я рассмеялась. – Но сегодня никак не могу, я ещё даже Люсиль не видела. Мы с ней разминулись на вокзале.

– И куда ты сейчас? – расстроился Кельвин.

– Сама толком не знаю, – устало вздохнула я. – У бабули в приёмной клиенты – диван занят, на вокзал идти не имеет смысла, до дома отца – далеко. Пешком не дойду, а денег у меня нет.

– Да, деньги и у меня нынче в дефиците, – пробормотал сосед. – Мне внизу в долг наливают, – пояснил он в ответ на невысказанный вопрос. – А вот помочь тебе добраться до отца я могу! – решительно заявил он. – Пошли-ка, покажу тебе то, на что я потратил свой первый гонорар! – на секунду вернулся в комнату, захватил шейный платок, бросил на меня мимолётный взгляд и среди вороха сваленной на комод одежды безошибочно нашёл одеколон, чтобы как следует надушиться.

Заинтригованная предложением, я шла за широкой спиной Кельвина, ориентируясь в кромешной темноте не столько на звук шагов, память и направление выхода, сколько на стойкий запах романиста. Коридор казался бесконечным, глаза щипало, и когда мы вышли во внутренний двор, чтобы спуститься по крутой лестнице на землю, я глубоко вдохнула уличный воздух.

Кельвин несколько раз обернулся и, убедившись, что я следую за ним и с любопытством осматриваю двор в поисках обещанного чуда, подошёл к кладовке. Отворил дверь и вытащил на свет своё приобретение.

– Вот он! – гордо сообщил сосед и любовно погладил железный корпус аксессуара каждого уважающего себя модного жителя столицы. – Мой велосипед!

– Кельвин! Какая красота! – не разочаровала я писателя. – А рама, а какое сиденье, – я восхищённо разглядывала писательскую гордость.

– Спицы высочайшего качества и дополнительное сиденье для пассажира, – вставил владелец, довольный произведённым эффектом.

– А какая вместительная корзина для продуктов, – заглянула внутрь этой самой корзины. – Тут что-то лежит, – и мы вместе заглянули вовнутрь, едва не стукнувшись лбами.

Среди обёрток от съеденного шоколада и розовых перьев торчало стеклянное горлышко бутылки.

– Бутылка! – обрадовался находке Стоун и вытащил её из корзины.

Сосуд был наполовину полон ну или наполовину пуст. Но наполнение его было странного, пугающе яркого зелёного цвета.

– Какой странный напиток, – удивилась я.

– Ангелочек, – Кельвин посмотрел на меня с некоторым недоверием, – ты что же, никогда не видела туринского самогона?

– Нет, – помотала я головой. – Да и где бы я могла, он же вроде бы запрещён?

– Запрещён, – подтвердил писатель. – Я тебе даже скажу, его почти невозможно достать! И от этого он стал ещё вожаденней для таких ценителей, как я! – отвинтил крышечку и поднёс бутылку к моему носу.

Обоняние, сражённое наповал ароматами соседа, но уже почти вернувшееся, получило ещё один сокрушительный удар. Зелёная жидкость пахла настолько отвратительно, что я чихнула, а нос мой и вовсе потерял чувствительность.

– Если он такой ценный, почему лежал здесь? – отчихалась я. – И почему в перьях? – задала я интересующий вопрос, вытягивая длинное розовое боа из корзины.

– Так ... спрятал, наверное? – почесал затылок мужчина. – Но это же к лучшему! Нам даже не надо никуда идти, чтобы отметить мою книгу и твой приезд! За нас! – громко провозгласил счастливый гений и всучил мне в руки подпольный самогон.

– А ты как же? – недоверчиво спросила я.

– Я не буду, – отрицательно помотал он головой. – Мне ещё рулить, – пояснил он отказ от спиртного.

– Что-то я как-то не уверена, – пробормотала я и снова принялась.

– Один глоток, Анжи, – подначил меня сосед. – Пока доедем, даже запаха не останется! И потом, когда тебе ещё представится такая возможность?

– Действительно, – задумалась я.

Бабушка предпочитает коньяк, отец в принципе не пьёт, мы с Мэгги изредка покупаем лёгкие вина. Самогон среди моих знакомых не популярен, а никаких запахов я уже всё равно не чувствую.

– За нас! – подмигнула я Кельвину и сделала большой глоток.

И пока я откашливалась, мой собутыльник снова скрылся в кладовой, а потом вынес оттуда два аккуратных кожаных шлема, и к ним почему-то авиационные очки.

– Как дела у Мэгги? – замялся он в дверях и, кажется, слегка покраснел. Похоже я чего-то не знаю, или подруга, сама того не ведая, на прошлой бабулиной свадьбе произвела на писателя неизгладимое впечатление. Не она ли вдохновила его завершить многострадальный роман?

– Нормально, выводит новые розы, – улыбнулась я.

– Розы... – мечтательно протянул Кельвин и протянул мне очки и шлем. – Надевай! – скомандовал он, и я решила, почему бы не воспользоваться щедрым предложением.

В желудке разлилось приятное тепло. Настроение моё поднялось до небывало высокой отметки. Весь мир вдруг стал удивительно доброжелательным и ещё более красивым. У невысокого Стоуна обнаружилась масса других перекрывающих этот недостаток достоинств. Например, выразительные ореховые глаза, опущённые длинными ресницами, а неровно обрезанная челка и длинные волосы превратились в бунтарскую причёску. Опять-таки признанный гений, ещё и такой разносторонний!

- Чёрт, сегодня же пятница! - вдруг что-то вспомнив, ударил он себя по лбу, - Алише выступать сегодня - надо привезти ей перья к выступлению.

- Алиша это кто? - уточнила я и сделала ещё один глоток.

- Алиша... - мечтательно повторил романист и взял у меня бутылку. Взболтал жидкость и сделал глоток. - Знакомая, - грустно пояснил он. - Работает в балете нашего театра.

- А в нашем театре есть балет? - удивилась я.

- Кордебалет-то есть, - с видом знатока ответил Кельвин.

- Что ж это за постановки такие, на которые одевают розовые перья? - я осторожно погладила яркий элемент сценического костюма неизвестной Алиши.

- Она потому что в кабаре ещё подрабатывает, - забрал он у меня из рук боа.

- Надо заехать к ней?

- Отвезу тебя к отцу и заеду, - кивнул сам себе сосед. - Цены в столице, сама знаешь какие, приходится крутиться. Вот девчонка и работает на двух работах. Знаешь, какая среди творческих личностей конкуренция? - он закатил глаза, тем самым иллюстрируя эту самую конкуренцию.

- Какая?

– Порвали ей танцовщицы из кабаре это боа! Завидуют, что она, в отличие от них, настоящая балерина! И ведь когда, заразы, это сделали? За два дня до сольного выступления. Эти перья, между прочим, гвоздь номера Алиши.

– Дела... – протянула я и снова глотнула из предложенной Кельвином бутылки.

– Дела, да, – согласился писатель. – В общем, ездил я вчера, забирал эти перья из починки. Ей некогда – сейчас сезон. Каждый день то репетиции, то представления. Ну вот я и вызвался помочь.

– Ты настоящий рыцарь, Кельвин, – с чувством похвалила я мужчину. – А ты успеешь?

– Успею, – довольно зарделся романист. – Как раз пара часов до выступления, – он расправил плечи и оседлал велосипед. – Поехали!

В лучах заходящего солнца мы выехали на оживлённые улицы Бриджа. Шлемы плотно сидели на головах, глаза были защищены от мошкеры и пыли. На шее водителя красиво развевался шейный платок, а у меня из-под шлема торчали кудри, которые весело трепетали на ветру.

Прекрасные столичные пейзажи за стеклами авиационных очков казались волшебными. Окна домов подмигивали, отражая наш велосипед. Многочисленные деревья сливались в одну зелёную полосу, а люди расступались, освобождая дорогу. Неприятное ощущение, будто бы кто-то незаметно следит за мной (причудится же такое, кому я могла бы понадобиться?) исчезло. И я наслаждалась поездкой, рассматривая жителей Бриджа и его прекрасные виды.

Изредка Кельвин доставал что-то из корзины, а потом так же быстро убирал это что-то обратно. В такие моменты велосипед ехал чуть более медленно и по непредсказуемой траектории. Улицы сменяли друг друга, солнце почти скрылось за горизонт. Я перестала узнавать знакомые места, а Стоун, грустно сказав «почти кончился», снова ненадолго отпустил руль.

И на нашем пути неожиданно оказалось ранее незамеченное непреодолимое препятствие в виде фонарного столба.

– Держи левее! – крикнула я, мгновенно сбрасывая с себя остатки опьянения.

Но Кельвин, в отличие от меня, сделавшей всего пару глотков, почти полностью опустошил бутылку. В этом я смогла убедиться, когда она, поблёскивая зеленью напитка на самом донышке, летела в цветочную клумбу рядом со столбом. Водитель велосипеда же вместо того, чтобы послушаться и сдвинуть руль в нужном направлении, попытался спасти контрафактный алкоголь. Отпустил управление, сделал хватательное движение в сторону улетающей бутылки и столкнулся со столбом, уронив на землю себя, меня и велосипед.

Приземление было мягким, но, потирая ушибленную поясницу, я поняла, зачем велосипедисту нужен шлем. А оглядываясь по сторонам, начала догадываться, почему Стоун к шлему добавил очки. Чтобы не узнали! Потому что фонарный столб, с которым мы так неудачно встретились, находился на одной из самых оживлённых улиц Бриджа, рядышком с уличными столиками популярного у аристократов и богатых туристов ресторана «Мишель». И все эти столики были заняты.

В связи со сложностью обзора ближайшей территории сначала я осмотрелась вокруг. Официанты и многочисленные посетители ресторана застыли, глядя на нашу с Кельвином и велосипедом живописную композицию. Перевела фокус ближе. За ближайшим к столбу, накрытым красной скатертью столом сидели две женщины, в одной из которых я узнала лучшую подругу мачехи – мадам Августу Петерсон. На свадьбе отца и Элизабет она была подружкой невесты, недовольной всем и всеми, особенно мной, а потому я хорошо её запомнила.

Официант, который незадолго до нашего падения, наливал из прозрачного кофейника кофе в её кружку, продолжил своё черное дело. И маслянистая густая жидкость растеклась сначала по красной скатерти, а потом вылилась на её белое летнее платье.

– Ангелочек, держи перья! – скомандовал романист в удивительной тишине и протянул мне розовое боа. – Сейчас починим наше транспортное средство, – заплетающимся языком добавил он, разнимая столб и велосипед.

Я взяла у пьяного писателя боа, прижала к груди и любезно подсказала женщине:

– У вас платье грязное, надо бы замыть.

«Неловко-то как, – тоскливо пронеслось в голове. – Не получается у меня налаживать отношения в столице».

Мир немедленно ожил. Раздались гневные крики, кто-то громко звал полицию. Кто-то возмущался неподобающему поведению вездесущих велосипедистов. Кто-то заметил выпавшую из рук Кельвина бутылку и тут же зачитал лекцию о вреде на молодые умы алкоголя вообще и контрафактного туринского самогона в частности. Кто-то засвистел, и из-за угла показались бегущие в сине-белых мундирах полицейские.

– Безобразие! – возмутилась Августа. – Да как вам не стыдно?! Кто вас так воспитывал, юная девушка?! Хотела бы я высказать вашим родственникам о недопустимости такого поведения!

– Позор, – поддакнула её подруга. – Ну и манеры!

Ситуация накалялась. Круг недовольных грозил сомкнуться. Патруль, который становился всё ближе и ближе, грозил мне разоблачением перед мадам Петерсон и её знакомой, тем более, что женщина внимательно рассматривала мои волосы. В глазах её, кажется, уже начинала светиться страшная догадка.

В панике я завертела головой. Среди множества незнакомых людей не было ни одного благодушного лица. Кто-то подзывал официантов, желая немедленно расплатиться и уйти. Рыжий мальчишка заливисто смеялся, его такие же рыжие родители гневно размахивали руками. Небольшая компания из двух молодых мужчин и трёх девушек поднялась со стульев и с любопытством поглядывала на группу у фонарного столба. Судя по ярким цветастым платьям одних и старомодным котелкам других, это были туристы из провинции. Крупная дама в светлом костюме и с идеально ровным каре недовольно кривилась. Этой гримасой женщина напомнила мне о миссис Печворк. С точно таким выражением лица попутчица говорила мне о недопустимости отношений с женатым мужчиной. Дама поджала губы, поправила перчатку и встала, намереваясь уйти. Вместо привычной юбки я заметила на ней широкие брюки. Наверное, женщина не вылезала с Бриджских показов мод.

Кажется, только один джентльмен, читающий прессу за ближайшим к проезжей части столиком, не обратил внимания на устроенный нами переполох.

- Стоять, полиция! - крикнул патруль.

Мужчина повернул голову и отложил газету. Я же с удивлением узнала в нём недавнего соседа по поезду - мистера Саливана. Вероятно, выйдя из отеля, он продолжил знакомство с достопримечательностями столицы и направился в известный на весь Эглетон ресторан.

- Бежим! - сообразила я, что если так и продолжу рассматривать посетителей, полицейские заставят нас снять маскировку, и тогда я предстану перед подругой мачехи в самом что ни на есть глупейшем виде. Ещё и за испорченное платье отвечать придется. Рывком поднялась на ноги, и тут застёжка на моих очках раскрылась в самый неподходящий момент.

Очки свалились мне на нос, и я сразу же нацепила их обратно, двумя руками затягивая ненадёжную резинку за головой.

- Ну-ка, снимите очки! - потребовала у меня Августа, нисколько не сомневающаяся, что я послушаю.

Но я быстро отряхнула юбку и, убедившись, что застёжка надёжно крепится на голове, схватила Кельвина за шарф. Надо было срочно уйти от жадного взгляда мадам Петерсон, а потому, не раздумывая более, я побежала в противоположную от неё и спешащих к нам полицейских сторону.

Случилась небольшая заминка. Кельвин не желал расставаться с помятым велосипедом и замешкался. Я же, почувствовав сопротивление, дернула его ещё сильнее.

- Анж... - захрипел сосед.

Обернулась - Кельвин одной рукой держал велосипед, а второй пытался ослабить шарф.

– Если мы сейчас же отсюда не уберёмся, то попадёмся в лапы полиции. Нам не только нарушение общественного порядка вменяют, но и распространение туринского самогона пришьют! – зашипела я.

– Понял! – немедленно отреагировал сосед. Поставил в вертикальное положение велосипед и, двумя руками придерживая покорёженный руль, побежал вслед за мной.

Впереди высокой аркой манила свобода, сзади раздавались громкие свистки.

Мы прибавили скорость, но проблемы с координацией у романиста не позволяли оторваться от преследователей на достаточное расстояние. Патруль настигал.

«Хоть не на глазах у Августы, – подбодрила я себя. – Есть шанс остаться неузнанной и избежать нотаций». И я уже было смирилась с неизбежным, но со стороны ресторана вдруг раздался истошный вопль.

– Помогите! Полиция! Кто-нибудь!

Патруль, мы с Кельвином и велосипед не остановились.

– Врача, скорее! Человеку плохо! – закричали ещё громче.

Никаких навыков оказания первой медицинской помощи у меня не было, поэтому я подавила желание помочь ближнему на корню и побежала ещё быстрее. Кельвин последовал моему примеру. Мы петляли в многочисленных переулках и сквозных дворах Бриджа, пока не остановились в тихом тупичке.

– Ушли? – отдышавшись, спросил у меня слегка протрезвевший писатель.

– Вроде бы, – ответила я и сняла, наконец, очки. Голова под шлемом нещадно зудела, я расстегнула ремешок под подбородком и освободила волосы. Кельвин последовал моему примеру.

– Что будем делать? – он забрал у меня экипировку и сложил вещи в корзину.

– Думаю, нам следует вернуться к бабуле, – почесала я голову. – Особняк отца недалеко от «Мишель», ещё встретим там кого-нибудь внимательного... Поздно уже, и бабушка наверняка вернулась.

– Согласен, – кивнул сосед и достал из-за пазухи часы, – восемь тридцать пять. Заедем на минутку в кабаре, отдадим боа? – уточнил мужчина и мы, не сговариваясь, заглянули в корзину.

Немой вопрос повис в воздухе. Среди шлемов и очков розовые перья отсутствовали.

Полицейское управление Бриджа. Кабинет начальника Особого отдела, подполковника полиции Альфреда Мелроуза. Немногим ранее

Насыщенный рабочий день давно закончился, но здание полицейского управления Бриджа не было пустым в этот пятничный вечер. Мистер Мелроуз устало вздохнул, глядя на так и нераскрытую с обеда папку со срочными донесениями подчиненных. Посмотрел на рабочий стол, и взгляд его зацепился за рамку с фотографией красивой, пусть уже и не юной женщины. Нежная улыбка осветила строгое лицо. Совсем скоро он поведёт эту красавицу к алтарю, и долгие годы одиночества закончатся.

В далёкой молодости он совершил ошибку – полюбил девушку из благородной семьи. И ошибка эта была вовсе не в разнице происхождений, в обществе давно уже не удивлялись таким мезальянсам. Эвелина была глупа и эгоистична, и как жаль, что тогда он в силу неопытности понял это не сразу. Она сбежала от него прямо перед свадьбой с каким-то певцом. Уехала с ним в долгосрочное турне по городам Эглетона. Артист был популярен и смазлив. Скромный сотрудник полиции проигрывал ему по всем фронтам.

Каково же было его удивление, когда почти год спустя, она пришла к нему на порог, с очаровательной улыбкой предложив забыть прежние разногласия и начать всё заново. От такого откровенного цинизма он, помнится, лишился дара речи. Конечно, он выгнал её. Вычеркнул из своей жизни и памяти. И даже небольшой некролог, случайно попавшийся ему на глаза несколько дней назад, не вызвал никаких чувств.

Сорок лет он отказывал себе в любви, сорок лет не мог простить предательства. Кто бы мог подумать, что простолюдин, недалёкий полицейский и неблагодарный бедняк (о, эти эпитеты он помнил до сих пор) окажется таким злопамятным гордецом?

Но сейчас, на закате жизни, разве не заслужил он немного счастья?

– Господин подполковник, срочное донесение! – прервал мысли мистера Мелроуза громкий голос подчинённого.

– Да, Гарри? Слушаю.

– Только что на площади Конституции в ресторане «Мишель» был отравлен Дуглас Саливан. Рядом с местом происшествия находился патруль, опрашиваются свидетели. Очевидцы утверждают, что он читал газету, а потом вдруг стал конвульсивно дёргаться. Из рта его шла белая пена.

– Туринский «Поцелуй змеи», – уверенно назвал Мелроуз смертельный яд. – Что говорит наружное наблюдение?

– В момент убийства наш агент отвлёкся. Двое на велосипеде врезались в фонарный столб рядом со столиками. В клумбе рядом была обнаружена бутылка с остатками туринского самогона.

– Ясно, – кивнул Мелроуз. – Похоже, соучастники.

– Или просто случайные идиоты, – пожал плечами Гарри.

Несколько секунд подполковник обдумывал ситуацию.

– Дэвидсон, немедленно свяжи меня с Харрисом! – наконец сказал он. – Он должен быть в доме Сильвера. Вечером у него назначена встреча с осведомителем, нужно решить, как действовать дальше. Иначе наши планы по поимке министерской крысы полетят ко всем чертям.

– Слушаюсь, – отрапортовал секретарь.

Глава 5

Преступник всегда возвращается на место преступления. Сегодня эта истина перестала быть для меня просто словами. Потому что я и Кельвин, как приличные нарушители закона, в поисках утраченного боа шли обратно к ресторану «Мишель».

- Где же ты могла его выронить? - в который раз спрашивал меня сосед.

- Понятия не имею, - в сотый раз отвечала я.

Перед тем, как рискнуть и сунуться в лапы полиции, Кельвин проявил недюжинную силу и вернул помятый велосипед в первоначальное состояние. Думаю, сказывалась практика. Я же, как имеющая опыт в запутывании следов и изменении внешности (хоть и сомнительный, но какой был), забрала у подельника шарф и повязала его большим белым бантом на собранном впопыхах высоком хвосте.

В целях конспирации мы передвигались мелкими перебежками, а потом прижимались к стенам домов, чтобы аккуратно выглядывать из-за углов - не идёт ли кто подозрительный. Полагаю, что самыми подозрительными в этой ситуации были именно мы. Но туринский самогон несколько повлиял на наши мыслительные способности, и в тот момент такие методы достижения цели казались нам с Кельвином необыкновенно удачными.

Удивительным оказалось то, что наша техника поиска потерянного боа сработала. Мы дошли до набережной, и, высунувшись из-за первого к воде дома, на небольшом выступе под мостом Кельвин заметил знакомый розовый цвет.

- Нашёл! - громким шёпотом сообщил мне сосед, вернувшись к нам с велосипедом из своей небольшой вылазки.

- Где? - обрадовалась я.

- Под мостом! - уверенно ответил Кельвин.

– Странно... – я удивлённо чихнула – обоняние медленно, но верно возвращалось. – Мы же не проезжали мост, а ехали дворами. Ты не ошибся?

– Действительно, – почесал он макушку. – Пойдём, проверим.

Мы вышли на набережную и спустились по широким каменным ступеням к опорам моста. С велосипедом в руках это было не так уж и просто. Кельвин ни в какую не соглашался оставить его наверху, опасаясь воров. Нести его в одиночку он тоже не мог, поэтому мы делали это вдвоём – владелец, держась за заднее колесо, а я – за руль.

Когда мы достигли кромки воды, из-под моста громко заиграл аккордеон. Лихая мелодия хорошо подходила к ситуации, приветствуя нас, будто героев, вернувшихся из дальнего завоевательного похода.

– Где перья? – строго спросила я соседа.

– На нём, – уронил Кельвин, и я увидела нового владельца Алишиного боа.

Из-под опор моста, улыбаясь и наигрывая весёлую мелодию, на свет вышел один из представителей уличной богемы Бриджа. Давно не знающий расчёски, но изредка не чурающийся бритвы, а потому сейчас имевший лёгкую небритость седой и кудрявый клошар. На голове его была старая кепка, надетая на почти вертикально стоящие волосы, и живописно разделяющая их на две части. На носу болтались заклеенные пластырем очки, одежда давно потеряла цвет, когда-то ярко-красный аккордеон облез, и только розовое боа придавало его образу недостающей красочности и шика.

Музыкант увидел нас, приветственно махнул рукой, на секунду обрывая мелодию, а потом растянул аккордеон, набрал в лёгкие воздух и запел:

– Играет шарманка, играет шарманка! Рыдает шарманка, страдает шарманка!

От громкости и душевности исполнения у меня открылся рот, а певец допел:

– Но в Бридже она чу-же-странка!

- Bravo! Bravo! – захопал Кельвин.

За годы жизни в столице выдавший и не такое, а потому почти не удивившись поющему клошару в розовых перьях, он сообразил, чем расположить к себе творческую личность. Восхищением, конечно, и теперь хвалил исполнение старинной народной песни.

- Невероятно! Невероятно! Сколько экспрессии, сколько души! – смахнул он невидимую слезинку.

- Благодарю, – низко наклонил голову мужчина, так что его кепка слетела к ногам Кельвина.

Сосед тут же поднял её с земли и, небрежно стряхнув пыль, протянул хозяину.

- Как приятно, когда молодежь ценит искусство, – с достоинством произнёс столичный уличный житель, а потом заметил меня, скромно держащую руль велосипеда. – Леди, – польстил он мне и расплылся в широкой улыбке, удивительно очаровательной и полной вполне здоровых зубов, – разрешите представиться, мистер Серж Гарельски. Рад видеть такую прелестную девушку среди своих поклонниц! Но, позвольте поинтересоваться, где я мог видеть вас раньше? Ваше лицо кажется мне знакомым, – немного нахмурился он, но потом что-то решил и расцвел ещё больше, – Неужели вы пришли не в первый раз?

- Э-э-э, – только и смогла ответить я.

- Леди Эванжелина обожает музыку, – подтвердил Кельвин.

- Да, – отмерла я, – очень люблю.

- Что ж, тогда я рад буду представить вашему вниманию свою бессменную программу «Летние деньки», – довольно проговорил клошар и подтянул ремень аккордеона, приготовившись к концерту.

- Мистер Серж, одну минутку, – остановил его романист.

- Да? – поправил тот сползшие очки.

– Видите ли, дело в том, что мы с леди немного опаздываем. Наша подруга сегодня выступает на сцене, и мы должны быть в театре с минуты на минуту.

– А, так вы хотите заказать ей песню в качестве подарка после выступления! – догадался мистер Гарельски. – Понимаю, прекрасный выбор! Новых песен у меня, к сожалению, пока нет. Современные композиторы удивительно падки на деньги, – доверительно пожаловался он нам. – Но кое-что из старой классики должно подойти.

Мы с Кельвином переглянулись.

– Ну... в общем-то, да, – подтвердила я. – Но это не единственная причина, по которой мы вынуждены были вас побеспокоить. Дело в том, что ваше боа, – Серж при упоминании своей находки оживился и нежно погладил розовые перья, – ваше боа как раз одно из составляющих костюма нашей подруги. Мы везли ей его на выступление, обронили, и теперь нам очень хотелось бы получить его обратно.

Серж нахмурился, а Кельвин проявил чудеса дипломатии, предложив:

– Может быть, вы могли бы обменять его на этот прекрасный белый шарф, на голове леди Эванжелины?

Мистер Гарельски задумчиво посмотрел на мой хвост. Противоречивые сомнения раздирали творческую душу музыканта. Розовые перья, вне всякого сомнения, ярче и дороже. Но белый шёлковый шарф был мужским и подходил к нынешнему образу Сержа намного больше.

– Не знаю... – пропустил он перья сквозь пальцы. – Что-то я не уверен в равноценности такой замены. Пожалуй, перья всё-таки нравятся мне больше, – и он, обиженный нашим нежеланием приобщиться к прослушиванию великолепной музыки, развернулся, чтобы скрыться в тени под опорами моста.

– Мистер Гарельски, подождите! – крикнула я ему вслед. – У нас есть для вас предложение, от которого невозможно отказаться!

– Внимаю? – дал он нам последний шанс его заинтересовать.

И осенённая внезапной догадкой, я его не разочаровала:

– Мой друг – поэт-песенник! И он готов предложить вам новую песню совершенно бесплатно.

Зря я думала, что Кельвина уже ничем не удивить. После моих слов он повторил мою недавнюю пантомиму и ошарашенно открыл рот, вдобавок выпучив глаза от раздирающего его изнутри возмущения. Ещё бы, он столько лет никому не доверял исполнение его гениальных творений, а я одним махом решила эту дилемму. Да ещё и так неожиданно.

– Неужели? – обрадовался музыкант. – Так это меняет дело! Действительно, шарф и песня – достойная плата за эту шикарную вещь! – на радостях вырвал он перо из этой самой вещи.

Романист достал часы и, печально вздохнув, спросил:

– До начала выступления десять минут. Мистер Гарельски, не могли бы вы отдать нам боа прямо сейчас? Обещаю, что завтра утром привезу вам ноты.

Я же в это время протягивала клошару белый шарф.

– Не хочу обидеть вас недоверием, – чинно ответил Серж, – но песня вперёд. И всё же, где я мог вас видеть? – глядя на мои кудряшки, снова поинтересовался он.

– Мистер Гарельски, – продолжила я торги, – нам необходимо вернуть перья прямо сейчас. Если мы не сможем этого сделать, наше предложение теряет свою актуальность. Но вы можете пойти с нами, удостовериться в правдивости нашей истории и убедиться в честности намерений в отношении вас, – скороговоркой добавила я, глядя на нахмуренные брови клошара.

– Решено! – согласился мужчина и забрал белый шарф из моих рук в знак скрепления сделки. – Боа вашей подруге я передам лично.

– Договорились, – пожал протянутую руку Кельвин.

До начала представления оставались считанные минуты, даже по самым скромным прикидкам идти нам было вдвое дольше. С учётом того, что мистер Гарельски решил воспользоваться вынужденными слушателями и не просто шёл, но пел «Летние деньки», подыгрывая себе на аккордеоне, скорость наша оставляла желать лучшего. Мы достигли знаменитой «Розовой Мельницы» в пятнадцать минут десятого, и только надежда, что Алиша выступает не первой, не позволила нам окончательно отчаяться.

Самым примечательным во всей этой ситуации было то, что Серж пел очень даже неплохо. В какой-то момент я поймала себя на том, что иду с ним рядом, не просто слушая, но и подпевая «Шарманку». А он довольно щурится, глядя на меня как кот, объевшийся сметаны. Несмотря на жалкий вид, пахло от него вовсе не бездомным, а чуть солоноватым, словно морской бриз, одеколоном. Чёрные глаза за стёклами давно разбитых очков озорно сверкали, а руки умело управлялись с музыкальным инструментом, да так лихо, что он умудрялся ловить меня за руку для поцелуя, не прерывая мелодии.

Стемнело. Город подмигивал нам яркими вывесками магазинов, огнями фонарей, электрическими лампочками и свечами за окнами дорогих ресторанов. Кабаре «Розовая мельница» – небольшое неприметное здание с розовой мельницей на крыше в натуральную величину радостно крутило лопастями и встречало припозднившихся гостей. Из распахнутых дверей доносилась весёлая музыка, два здоровенных охранника на входе в кабаре вежливо запускали хорошо одетых посетителей разного возраста и преимущественно мужского пола. Высокий стройный джентльмен у самых дверей чем-то напомнил мне мистера Сильвера, и я печально вздохнула. И почему симпатичные мужчины или женаты, или непременно вечерами таскаются поглазеть на голые женские ножки?

«И всё же, какой мерзавец, – вспомнила я, – сначала сделал всё, чтобы очаровать. Благородно ухаживал, и мало того, что предложил поехать с ним в отель, так ещё и оказался женат». Я снова разозлилась. Какие-то странные относительно Сильвера у меня выводы. Это что же получается, если бы он не был женат, я бы согласилась?

Обдумывая нелогичность собственных мыслей, я продолжила смотреть на заинтересовавшего меня мужчину. Он почувствовал направленное внимание и развернулся вполоборота. Я быстро спряталась за Сержа, чтобышний раз не сравнивать Эндрю и неизвестного.

«Хватит, вообще, о нём думать, тоже мне, нашла героя романа!» – приказала я себе, а потом, не послушавшись умного совета, из-за плеча мистера Гарельски проследила, как мужчина заходит в кабаре.

Когда мы скромно пристроились в конец небольшой очереди, на нас стали коситься желающие посмотреть представление, а охранники привстали на носочки и выразительно переглянулись между собой. Стало совершенно ясно, что прорваться через эту преграду – непосильная для нашей компании задача.

После недолгого совещания, решено было провернуть отвлекающий маневр, наподобие того, что мы проделали у ресторана «Мишель», но с небольшими корректировками. В связи с тем, что мистер Гарельски выглядел недостаточно презентабельно для «Розовой Мельницы» и кто-то должен был остаться с ним в качестве гаранта скорого получения песни, а управлять велосипедом Кельвин мне не доверял (кстати, совершенно зря, уверена, я могла бы погнуть его ничуть не хуже), решено было, что в заведение пойду я. И я же отдам Алише её многострадальные перья.

Тогда-то в мою голову закралась мысль о неправильности происходящего, но остановиться и подумать, не было ни времени, ни возможности.

– Как я её узнаю? – возмутилась я упорству писателя не передавать мне руль. – Я же никогда её не видела?!

– Прошу простить, – вмешался Серж, поправляя очки и держа наготове аккордеон – он должен был начать играть по сигналу Кельвина, чтобы увеличить мой шанс пробраться внутрь здания, – вы же говорили, она ваша подруга.

– Подруга, несомненно, – заверил его Кельвин и, повернулся ко мне, – Та, что без перьев – Алиша, – уверенно заявил он.

– Допустим, – я помассировала виски. Усталость навалилась неожиданно резко. Велосипедная прогулка по вечернему Бриджу, да ещё и приправленная запрещённым алкоголем больше не казалась хорошей идеей. Недавнее происшествие возле ресторана «Мишель» предстало с другой, отнюдь не забавной стороны, а мой новый знакомец мистер Гарельски был живой иллюстрацией к бабушкиным «с кем точно не стоит общаться приличной девушке».

«Господи, до чего я докатилась, – подумала я. – Причём, в прямом смысле докатилась», – посмотрела на велосипед и закрыла глаза, как будто открыв их снова, рассчитывала увидеть совершенно другую картину. Например, уютную маленькую спальню в бабушкиной мансарде.

– Если ты въедешь в охрану, – собираясь с мыслями, сказала я Кельвину, – тебя совершенно точно арестуют и наложат штраф. Полицейские непременно свяжут велосипедное происшествие у «Мишель» и наезд на «Розовую мельницу». В этом случае наступает большая вероятность, что штрафом ты не отделаешься, и тогда праздновать свой роман дальше ты будешь за решеткой. И что самое печальное, мы с мистером Гарельски составим тебе компанию, – пессимистично закончила я.

Лицо Кельвина отразило напряжённую работу мысли. Перспектива, красочно расписанная мной, навряд ли привлекла романиста.

– Ты права, – вынужденно согласился он. – Но я не могу подвести Алишу, поэтому сам прорвусь в кабаре и решу эту проблему. И пусть меня посадят в тюрьму и выпишут штраф, но никто не сможет упрекнуть меня в трусости и том, что я бросил друга в беде.

– Мистер Стоун, – Гарельски восторженно посмотрел на писателя, – я восхищён вашей смелостью. От себя хочу сказать, что согласен ждать своей песни после вашего выхода из тюрьмы. Теперь я совершенно точно уверен, вы – человек чести!

– Благодарю, – мужчины пожали руки, крайне довольные друг другом.

– Всё, хватит, – прервала я их обмен любезностями. Никто не заставлял меня принимать предложение Кельвина. Доверенные мне перья потеряла я, поэтому, перебрав в памяти множество прочитанных законов (то, что я не стала юристом, не означает, что я перестала интересоваться юриспруденцией), я сказала: – Поступим по-другому.

Мужчины заинтересованно посмотрели на меня.

– Вы прямо сейчас идёте за угол и ждёте меня там. А я уж как-нибудь сама справлюсь.

– Вашими устами, леди Эванжелина, говорит сама мудрость, – согласился с моим предложением Серж.

– Спасибо, Ангелочек, – проникновенно сказал Кельвин и поцеловал меня в щёку, как будто отправлял меня не в ресторан, а как минимум в тюрьму.

Он нацелил велосипед в противоположную от кабаре сторону, и вскоре они с мистером Гарельски скрылись за стоявшим на перекрёстке домом.

Серж, уходя, заиграл свою «Шарманку», его громкий голос становился тише и тише, охранники на входе окончательно расслабились, и мне оставалось только одно: не посрамить оказанное доверие. Я взяла в правую руку боа и прижала его к груди, так крепко, как прижимают к ней сумку с деньгами и документами на оживлённом рынке в воскресенье, и широко распахнув глаза, направилась к входу. Вид у меня был напуганный и решительный, поэтому охранники приняли меня за недисциплинированную танцовщицу.

– Новенькая? – улыбнулся мне один из здоровяков, глядя на скомканное боа. – Что-то я тебя раньше не видел.

Я кивнула.

– А чего опаздываешь?

– Проспала, – брякнула я, протискиваясь мимо.

Танцовщицы кабаре из-за ночной работы наверняка испытывают трудности с режимом.

– Девочки из вредности закрыли ваш вход? – участливо поинтересовался он и любезно отодвинулся, уступая дорогу. – Это их любимая шутка над новичками.

– Приходи заранее! – рекомендовал мне второй охранник и попытался ущипнуть пониже спины. – А то и мы не пустим!

Я резво отскочила под весёлый смех и вошла внутрь заведения.

«Надо же, как хорошо всё складывается», – удивилась я своему везению.

До сегодняшнего дня мне не доводилось бывать в кабаре. В Рамбуи были драматический театр, дом культуры и даже бассейн, но до таких изысков наш городок ещё не дорос. Поэтому я с живым интересом разглядывала яркую обстановку и приняховалась к сладким запахам женских духов и дорогого табака. Уютные столики были расставлены полукругом в несколько рядов так, чтобы с каждого можно было видеть небольшую сцену, на которой резво отплясывали танцовщицы. Их красные юбки мелькали быстрее крыльев бабочки, перья в волосах подпрыгивали в такт музыке, а ножки в сетчатых чулках гипнотизировали зал. Даже я от такого зрелища застыла столбом, забыв о цели моего визита.

В чувство меня привёл один из официантов, коих здесь было великое множество. Они сновали между столиками в своих белых пиджаках с чёрными бабочками, принимали заказы и разливали по начищенным до блеска стеклянным бокалам спиртные напитки.

– Ещё одна! – неожиданно схватил меня за руку молоденький вертлявый брюнет. – Хочешь, чтоб твоя карьера в кабаре закончилась, не успев начаться?! Мадам Сильвана учит вас, учит, и никакой благодарности! – отчитал он меня по всей строгости. – А ну, бегом в гримёрную! – и юноша практически силком потащил меня куда-то в сторону.

– Простите, я ищу Алишу, – я попыталась вставить хоть слово, но бойкий официант, не слушая, уверенно уводил меня из зала для посетителей за кулисы кабаре.

Когда мы поравнялись с ближайшим к сцене столом, я зацепилась носком туфли за красный ковёр, и чуть было не рухнула на пол. Пришлось уцепиться за первую попавшуюся опору, которой оказался мужчина, сидевший за столиком в полном одиночестве.

– В чём дело? – возмущённо спросил он, отрывая мои руки от лацкана своего пиджака. – Вас прислала моя жена? В конце концов я свободный мужчина, мы

давно в разводе! Что вам от меня нужно?! – отчётливо услышала я напряжение в его голосе.

– Она опаздывает! – ответил за меня официант, разом сняв глупые подозрения.

«Да кому ты нужен, ошипанный петух», – подумала я.

Поразительное самомнение у столичных мужчин.

В возмущённых мыслях я чуть не врезалась в спину официанту. Он остановился у маленькой чёрной двери, на которой не было никаких опознавательных знаков, а затем, развернув меня за плечи, втолкнул внутрь помещения, закрыв дверь за моей спиной. И я оказалась в гримёрке кабаре.

«В принципе, мне сюда и нужно», – мысленно поблагодарила я юношу, оглядывая небольшое, заваленное костюмами и косметикой помещение. Девушки были на сцене, и гримёрка была пуста. Я прошла комнату насквозь, ориентируясь на звуки музыки. За гримёркой был длинный узкий коридор, по которому танцовщицы выходили на сцену. Почти в самом начале коридор раздваивался, света в нём не было, но яркости софитов было достаточно, чтобы не ошибиться с направлением. Как и в любом театре, вёл он за сцену, откуда выходили артисты и где я рассчитывала разыскать Алишу. Чем дальше я отходила от недавней развилки, тем более узким становился коридор. Множество небрежно сваленных по сторонам деталей от декораций, навели меня на мысли о неверном выборе пути, но свет в конце, теперь уже практически тоннеля, становился всё ярче и ярче, и я решила дойти до его источника – развернуться успею всегда.

«Надо скорее завязывать с этим делом и идти к бабушке», – сказала я сама себе и уверенной походкой вышла из коридора, случайно зацепив локтем какую-то ненужную, но довольно большую деталь. Что-то подозрительно хрустнуло, рискуя свалиться мне на ногу и ненароком зашибить, поэтому я отпрыгнула в единственно возможном направлении – туда, где горели огни.

Вопреки всякой логике я оказалась не за сценой, а на ней. Рядом с изумлённой полуголой танцовщицей, крайней в ряду (остальные стояли дальше и в пылу танца не успели меня заметить) и напротив множества заинтересованных зрителей.

Если бы у меня не было благородной цели, если бы не остатки туринского самогона в крови и усталость от тяжёлого насыщенного событиями и эмоциями дня (а потому острое желание поскорее выполнить миссию и уйти), я бы вернулась обратно в коридор. Но вместо этого, я подхватила краешек подола длинной лиловой юбки и, подражая девушкам, а потому игриво высовывая ногу в белом чулке, доскакала до крайней танцовщицы.

– Передай Алише! – торжественно сказала я и пристроила ей на шею розовое боа.

Кабаре-ресторан «Розовая мельница», несколькими минутами ранее

Капитан полиции Дэвид Харрис, некоторое время работающий под прикрытием, а потому отзывающийся сейчас исключительно на Эндрю Сильвера, торопился на встречу с осведомителем. Кабаре «Розовая мельница» как нельзя лучше подходило для переговоров между людьми, работающими на две противоборствующие структуры. Криминал и правопорядок, как свет и тень, находились в извечной борьбе, но изредка вынуждены были соприкоснуться. Интересно, что мистер Харрис не испытывал негатива к человеку, с которым должен был встретиться.

Господин Йозеф Датенхольц переехал из заснеженной Альты в Эглетон много лет назад. Как и большинство иммигрантов он испытывал проблемы с деньгами, жильем и работой. Потому, когда после долгих мытарств, он нашёл место, где ему достойно платили, да ещё и обеспечили углом, не испытывал угрызений совести, работая на теневых хозяев Бриджа. Наоборот, господин Датенхольц, искренне сожалел, что когда жизнь его только начала налаживаться, он попал в лапы полиции с поддельными документами на въезд в республику. И быть бы ему выдворенным из страны, если бы молодой, тогда ещё лейтенант, не предложил сотрудничество вместо депортации.

Йозеф, известный в определённых кругах под именем «папа Йося», продавал богатым мужчинам время. Дорогое время дорогих женщин. Полицейский бы назвал это словом «сутенёр», но господин Датенхольц был в корне не согласен с таким определением, потому что его девочки не были проститутками, они были принцессами (по его словам).

– Трэвис вчера был у малышки Анабель. В его отдел сверху пришёл приказ разузнать всю информацию о новых сейфах некоего Брауна. В разговоре он несколько раз упомянул название «Замки и двери», – начал с главного Датенхольц.

Мужчина внимательно смотрел в лицо полицейского, какая-то деталь казалась ему чужеродной и мешала сосредоточиться на разговоре, заставляя всматриваться в собеседника.

– Что-то ещё? – тяжело вздохнул Дэвид.

Информация была как нельзя кстати. Дугласа устранили в полушаге от разгадки личности предателя в министерстве промышленности. Впрочем, они давно предполагали, что им был не простой клерк, а кто-то, занимающий высокий пост. Значит и ресурсы у этого кого-то были достаточными, чтобы убить засветившегося Саливана.

– Жаклин передаёт вам привет, мистер Харрис, – улыбнулся Йозеф, разглядывая новую деталь на лице своего знакомого – усы.

Дэвид, который всего пару часов назад вернулся, успешно окончив многодневную операцию по поиску предателя в Рамбуи, а потом узнавший, что операция провалена в связи со смертью этого предателя, устало потёр переносицу. Стоило только оставить Саливана без присмотра, как того отравили, причём сделали это настолько быстро и нагло, что никто ничего не понял. А ведь за Саливаном были приставлены следить лучшие агенты. Хорошо хоть сообщили о его смерти.

– Это всё, что ты хочешь мне сообщить? – выгнув бровь, спросил Харрис и подставил официанту бокал.

Красное вино урожая десятилетней давности радовало глаз цветом и ароматом. Что толку сожалеть о потерянном впустую времени, лучше подумать о чем-то приятном. Например, о мисс Мэгги, которая сначала представилась по-другому, казалась такой потерянной и беззащитной, а потом неожиданно отвесила ему пощёчину. Не то чтобы эта девушка уже забылась, скорее наоборот. Харрис думал о ней и безо всяких причин, а несколько минут назад ему даже показалось, что мисс Ланкастер (какая глупость!) вместе с очень странными

сопровождающими стоит в очереди на вход в кабаре.

Дело было в другом. Плохое настроение никогда не способствовало успешному ведению переговоров. Датенхольц уже давно получил подданство Эглетона и информацию предоставлял скорее из личной к Дэвиду симпатии, чем из необходимости продолжать сотрудничество с полицией.

– Я же ведь ещё в прошлую нашу встречу сказал ей, что женюсь, – перешёл Харрис на шутливый тон.

– Дэвид, Дэвид, – покачал головой Йозеф, – неужели ты из той породы мужчин, которые, попав под каблук женщины, выполняют все их прихоти и становятся монахами.

– Может быть, – Дэвид пригубил вино, – некоторые женщины стоят того, чтобы потерять разум.

Мужчины протянули бокалы навстречу друг другу и, потягивая вино, посмотрели на сцену – о, услада мужских глаз!

Яркие краски, костюмы, скорее подчёркивающие, чем что-то скрывающие, свежие личики. Музыка играла что-то задорное, девицы плясали, и вдруг откуда-то сбоку на сцену вышла ещё одна девушка. Что странно, в отличие от остальных, она была прилично одета. Знакомый лиловый цвет и такие же знакомые кудряшки навели на мысли о странной неправильности происходящего. Харрис подумал было, что ему с усталости начала мерещиться понравившаяся женщина. Но когда Мэгги задрала одной рукой юбку и продемонстрировала зрителям стройную ножку в белом чулке, он понял – это не сон. Это действительно она – девушка, которую он собирался вскоре представить отцу.

Кажется, он выронил на пол бокал.

Когда в далёком детстве я сидела на коленях у матушки, слушала о подвигах книжных героев и мечтала о приключениях и славе, не таким я представляла свой триумф. В принципе, блистать на сцене было бы неплохо, (такие мысли посещали меня незадолго до окончания школы, но были отринуты за неимением таланта), но даже в самых смелых фантазиях эта сцена не виделась мне сценой кабаре!

Со стороны столиков раздавались бурные аплодисменты, особенно восхищённые зрители кричали «бис». В эффектно одетых, а вернее сказать, раздетых, девочек летели цветы, и что самое интересное, несколько розовых тюльпанов прилетело в меня.

Ёжась под злыми, даже ненавидящими взглядами десятка пар глаз танцовщиц (теперь меня заметила каждая, и каждая мечтала как-нибудь побольнее отомстить за испорченный номер), я поспешила покинуть сцену как можно быстрее и незаметнее. На всякий случай поклонилась и постаралась так же задорно, как и прежде, отпрыгать обратно к гримёрке.

Будучи уже у самого коридора, я замешкалась. В этой части сцены софиты не слепили и, приглядевшись, можно было увидеть зрительный зал так, как видят его настоящие артисты. Искушение было велико, и я посмотрела на посетителей. Взгляд зацепил множество довольных лиц, но потом снова вернулся к одному, имеющему неподходящее случаю выражение.

С моей стороны, во втором ряду от края сцены, за столиком с бутылкой вина сидел тот самый мужчина, подозрительно напоминающий мистера Эндрю Сильвера. А его усы, очки, лежавшие на столике рядом, и изумлённый, я бы даже сказала оглушённый вид, навели меня на мысли, что мужчина этот мистер Сильвер и есть.

Глаза его становились больше и больше, а потом он медленно поднялся из-за стола и спросил:

– Мэгги?! – по губам прочитала я. В шуме музыки и стучащих в танце каблуков голоса слышно не было.

– Нет, – нисколько не погрешив против истины, помотала я головой.

А дальше случилось нечто непредвиденное, даже ещё более непредвиденное, чем я со своим импровизированным выходом. Поражённый моими танцевальными способностями дирижёр небольшого оркестра, из оркестровой ямы взирающий на меня со смесью ужаса и отвращения, изобразил жест, не поддающийся описанию человека, не имеющего музыкального образования. И в зале наступила оглушительная тишина.

По закону подлости как раз в этот момент декорация, которую я задела, с громким треском рухнула, и на глазах у артистов и зрителей мне под ноги выкатилось что-то круглое, неаккуратно завернутое в бумагу. Нечто, перемотанное серой бечёвкой и с торчащими разноцветными проводами. И предмет этот подозрительно громко тикал, вызывая в моей душе ощущения будущих неприятностей. Неизбежных и очень больших.

– Мамочки... – озвучила схожую с моей мысль одна из танцовщиц и попятилась.

– Это не моё! – поспешила я откреститься от опасного предмета. Причем, сообщала о своей непричастности я в большей степени Сильверу, остальным было не до моих оправданий.

В оркестре громко зашептались музыканты, и в этом нарастающем гуле множества голосов отчётливо прозвучало: «Бомба».

– Бомба! – подхватил очень полный мужчина, сидящий за следующим после Сильвера столиком. С поразительной для его комплекции прытью он вскочил, на ходу вытирая со лба выступившую испарину.

– Без паники, сохраняйте спокойствие! – попытался взять контроль над ситуацией всё ещё стоявший на ногах Сильвер.

Но вопреки его ожиданиям, случилось с точностью до наоборот: зрители по его команде начали усердно паниковать. Тот полный мужчина, который первым обозначил опасный предмет, откинув стул, бежал сквозь зал, сметая стоявших на его пути других, менее расторопных зрителей, будто кегли в боулинге. Истошно завизжали дамы, гремели стулья, гулко топали ногами мужчины; бросая недоеденный ужин, гости неслись к выходу из кабаре. Не отставали от них и официанты, их белые пиджаки, будто белые флаги, то и дело мелькали в людской мешанине. Какой-то блондин, в приступе ужаса, вместо того, чтобы

бежать вместе со всеми, перепутал направление и исчез в темноте технической части кабаре, в стороне гримёрки, куда совсем недавно отвёл меня юркий официант.

На сцене и в оркестровой яме творилось нечто невообразимое. Артисты, несмотря на дисциплинированность и профессионализм, как оказалось, были подвержены паническим настроениям не хуже зрителей. Музыканты, теряя ноты, но в обнимку с инструментами, перепрыгивали ограду высотой в человеческий рост. Контрабасист, проявив чудеса сообразительности, сначала выбросил свою большую скрипку за пределы ямы, а потом, ловко подхватив её, прокладывая себе дорогу при помощи инструмента. Пианист, в связи с невозможностью транспортировать огромный белоснежный рояль, единственный улепётывал налегке. Дирижёр кричал что-то покидающим этот тонущий корабль музыкальным крысам, а потом, схватившись за голову, принялся собирать ноты. Как капитан, он намеревался покинуть оркестровую яму последним.

Танцовщицы же глупо хлопали глазами и переводили испуганные взгляды то на меня, то на бомбу, то на Эндрю, который под снисходительными смешками своего знакомого, со знанием дела потрошил взрывное устройство.

Никогда не думала, что юристам преподают основы разминирования. Но Сильвер уверенно перебирал цветные провода, в поисках какого-то одного, отвечающего за детонацию, устройства. Периодически до меня доносились обрывки разговора двух единственных, хладнокровных мужчин в зале.

– ... нет, не бомба. Скорее «пугалка». Навредить не навредит, но напугает.

– Уже напугала, – выразительно оглядел знакомый Эндрю растерзанное в приступе паники кабаре.

Расположение столов потеряло былую стройность. Перевернутые стулья лежали на полу, словно павшие воины, на красных коврах виднелось содержимое опрокинутых тарелок, а на местах проходов разноцветными пятнами выделялись утраченные в момент бегства дамские сумочки.

Пока я лихорадочно обдумывала пути отхода, за девушками на сцену прибежала худенькая, маленькая, ярко покрашенная старушка в симпатичном фиолетовом

паричке, но с таким волевым лицом, что даже я на её «все за мной!» сделала несколько шагов вместе со всеми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zvolinskaya_irina/ledi-i-detektiv-ili-schepotka-nevezeniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)